

**ТАТЬЯНА
ЛЮБИМАЯ**

16+

Два шага
ДО ПРОБЛЕМ

Татьяна Любимая
Два шага до проблем

«Автор»

2021

Любимая Т.

Два шага до проблем / Т. Любимая — «Автор», 2021

Он разведен и ему вполне неплохо живется одному. Она замужем, но несчастлива в браке. Он хотел пройти мимо ее проблем, но не смог. Значит, им придется решать их вместе, но при одном условии - она раскроет ему свою тайну. ХЭ!

© Любимая Т., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	20
Глава 8	25
Глава 9	27
Глава 10	30
Глава 11	34
Глава 12	36
Глава 13	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Татьяна Любимая

Два шага до проблем

Пролог

– И что все это значит? – с полыхающим огнем в ярко-зеленых глазах воинственно наступает на меня Варвара.

– Варь, ты чего? Что не так? – искренне не понимаю перемену в «жене».

– Все не так! Почему вы не предупредили, что вы директор этой, – делает взмах рукой, описывая круг, – кампании?

– А что бы это изменило? – дергаю губы в улыбке, продолжая шагать назад, позволяя Варе руководить положением.

– Я бы не согласилась! Я совсем не похожа на вашу жену!

– С чего ты взяла? Ты **очень** похожа на мою жену. Вот, смотри, у нас даже первый семейный скандал. Кстати, можешь кричать в полную силу, здесь отличная звукоизоляция.

– Я не могу кричать! Егорка плачет, когда кто-то повышает голос. И это... это не скандал! Это безобразие! Кто вам позволил лапать меня? И... и целовать?!

– Я тебя не лапал! Я обнимал **свою жену**! А целовать меня ты первая начала! Егорка, подтверди!

– Это для правдоподобности! На нас смотрела ваша хамка-секретутка! И не надо привлекать на свою сторону моего сына!

– Нашего сына! Которого ты мне впихнула в руки, прекрасно зная, что я не умею обращаться с детьми.

– Я его страховала!

– А я не знал даже как его держать!

– Но теперь же знаете?

– Что знаю?

– Как ребенка держать?

– О, да, принцип я понял, спасибо. И кстати, я тоже целовал тебя для правдоподобности! И мне понравилось!

Варя не находит что ответить на это. Остановившись, таращит глаза, не понимая, правду я говорю или шучу.

– А тебе? – смягчаюсь и намерено понижаю тембр до хрипоты. Знаю, женщинам это нравится: – Тебе разве не понравилось? Я бы повторил.

Глава 1

Варя

Тороплюсь домой, с радостным трепетом сжимая в кармане хрустящую синенькую купюру – аж две тысячи рублей. Нежданный подарок – помыла всего три окна, но хозяйка, поначалу критически осмотрев рамы и стекла под разным углом – нет ли разводов, осталась довольной, еще и заплатила сверху. Обещала позвать меня в следующий раз, а еще рассказать своим подружкам о «старательной девушке с низкими расценками». Мне польстила ее похвала. С тех пор, как я взялась за подработку – мыть окна, поняла, как много людей не любят это дело, а некоторые, кто живет выше первого этажа, боятся высоты и им проще нанять мойщика. То есть мойщицу. То есть меня.

Если эта клиентка выполнит свое обещание и сработает сарафанное радио, то можно рассчитывать на более–менее хороший заработок до наступления холодов. А зимой я придумаю что–нибудь еще. Надо, кстати, поблагодарить Лидию Петровну за то, что посоветовала меня своим знакомым. Еще и за сынулькой моим присматривает, когда нужно. Хорошая у нас соседка, добрая, не скандальная, даже когда мы с Виталькой шумим. Жалко ее – своих детей нет, а за меня и Егорку переживает не хуже родной бабушки. Без нее и ее помощи сидели бы мы с мужем и Егоркой на одних сухарях.

При мысли о Егорке губы сами растягиваются в улыбку. Он у меня такой лапочка. Тихий спокойный ребенок. Как только взяла его на руки, прижала к груди и поняла – мой малыш, мой и больше ничей. Через неделю ему исполнится семь месяцев. Совсем большой.

День сегодня такой солнечный, деревья золотые, небо голубое. И настроение от всего этого отличное. Я иду почти вприпрыжку по краю тротуара, потому что там больше опавших листьев. Они весело шуршат под ногами, подлетают и рассыпаются в стороны от легких пинков, и даже мои далеко не новые кроссовки смотрятся гармонично среди осенней пестрой мишуры. Болтаю пакетом с перчатками и моющими средствами в такт шагам и улыбаюсь прохожим. Ловлю ответные улыбки и заинтересованные или удивленные взгляды. Мне хорошо, пусть всем вокруг тоже будет радостно.

Сокращаю путь через дворы. Подхожу к дому, и тревожное предчувствие змеей расплзается в груди при виде кучки галдящих соседей возле моего подъезда. Увидели меня, закивали, расступились и тут же окружили.

– Варюша, что же это делается?

– Варенька, мы думали полицию вызывать. Ну это же невозможно! И стучали, и звонили, и грозились – не слышит твой. Музыка орет на весь дом.

Настроение резко падает, и я возвращаюсь с небес в реальность. Так и знала. Опять жалобы на Виталю. А между тем я еще не все выслушала:

– У меня вот голова разболелась от вашего бац–бац.

– А у Светки с соседнего подъезда дети уснуть не могут.

– Разве так можно? Хоть свет вырубай.

– Вот пожалуемся в управдом, и свет–то вам отключат! Все равно, поди, не платите коммуналку–то.

Эмоциональные жалобы соседей оглушают. Искривленные недовольством лица мелькают перед глазами, и в какой–то момент у меня начинает кружиться голова. Зажмурилась что есть мочи, сдерживаясь, чтобы не закричать: «Виталик взрослый мужик! Как я могу заставить его что–то делать или не делать?.. Он вас–то никогда не слушал, посторонних людей...»

Я, кажется, побелела, потому что голоса стихли. Кто–то с одной стороны, а кто–то с другой поддерживает меня за локти, ведут до лавочки, усаживают. Теперь, когда соседи поутихли, я отчетливо слышу те самые бац–бац–бац. Сомнений нет – звуки Арии, сменившиеся Рамштай-

ном, доносятся из нашей квартиры. Басы бьют по окнам, грозясь выбить стекла, и, кажется, вся наша старенькая панельная пятиэтажка содрогается от каждого удара бит.

– Накинулись на девку, лица на ней нет, ироды, – сочувствующе гладит меня по спине Мариванна, соседка с верхнего этажа, еще недавно кричавшая громче всех остальных. – Посиди, Варенька, отдохни. С работы идешь? – я кивнула. – Эх, не бережешь ты себя. Вон какая худенькая, слабенькая. Мужик должен так пахать и семью обеспечивать, а он ишь че вытворяет... дармоед. Ведь такой молодой, а работать не хочет. Лишь бы выпить...

– Виталик работает! То, что он официально не устроен, еще не значит, что он не зарабатывает. Вы же сами приносите ему технику, а платите чем? То водкой, то пивом, – возмущаюсь, глядя снизу вверх на обступивших меня людей, – а то и самогонкой, – останавливаю выразительный взгляд на дяде Васе из третьего подъезда, после чего он благополучно скрывается за спиной Мариванны.

– Это же он плату назначает, а нам–то что? – разводит руками женщина, кажется, из пятого подъезда. Остальные согласно кивают и поддакивают. – Мы рассчитываемся с мастером тем, что он просит.

– А просит он, к сожалению, алкашку, а не печенки ребенку или подгузники. Так чего жалуетесь теперь? Танцуйте. Видите, какую дискотеку устроил ваш мастер? – выговариваю соседям. – Пьяный человек сам себе не хозяин, а вы хотите, чтобы он слушал кого–то, – добавляю устало, потому что спорить и объяснять что–то уже нет сил.

Я откидываюсь на спинку лавочки и закрываю глаза. Мыслями уношусь в деревню к своему дедушке. С ним было так спокойно, уютно. Ровно до того момента, когда его не стало. А потом институт, замужество, ребенок. И вроде все неплохо было, но одно маленькое откровение мужу, о котором я не раз пожалела, и жизнь резко превратилась в темную полосу. Еще не черную, но уже близко к этому цвету.

– Лидия Петровна дома, не знаете? Я ей Егорку оставила.

– Да гуляют они. Как твой музыку врубил, так они в парк и ушли, Вася помог коляску спустить.

– Это хорошо, – выдыхаю с облегчением. Хорошо, что сын с соседкой. Виталик совсем не занимается сыном, а больше оставить ребенка не с кем. Не с собой же его брать.

Поднимаюсь с лавочки и иду в свой подъезд, оставив за спиной сборище обсуждающих и мою семью, и ЖЭК, и ночные гонки под окнами дома. В первую очередь надо как–то утихомирить мужа, а то перед соседями стыдно, а потом увидеться с Лидией Петровной и забрать Егорку.

Глава 2

Варя

Чем выше поднимаюсь по ступенькам, тем громче музыка и сильнее дрожь под ногами. Снова звучит Ария, а я реально начинаю опасаться, что наша панельная пятиэтажка рухнет под гнетом тяжелого рока, прихватив с собой соседнюю.

Захожу в квартиру. Сердце отбивает ритм вместе с басами прямо с порога. На школьной дискотеке мне нравилось биение в груди в такт музыке, но сейчас, дома, это не смешно и не приятно. Снимаю куртку, скидываю обувь и прохожу в комнату.

Наша скудная мебель подпрыгивает на месте, стул медленно уползает в сторону от своего места, а хлипкий мебельный шкаф и вовсе грозит сложиться как карточный домик.

На столе подскакивают бутылка из-под водки с остатками бултыхающейся жидкости на дне, пустая стопка, открытая банка рыбной консервы и по-мужски крупно порезанные куски хлеба. Смердящий запах рыбы и алкоголя стойко держится в комнате, пропитывает собой постельное, одежду в шкафу и всю меня.

Виталик, залитый в хлам, широко расставив ноги для баланса, вытанцовывает посреди комнаты. Глаза закрыты, движения как у паралитика – руки-ноги с головой не дружат, дрыгаются сами по себе. Из одежды на нем только плавки.

Муж у меня блондин с серо-голубыми глазами, высокий, стройный. Не спортсмен, но фигура отпадная. И симпатичный на лицо, за исключением тех дней, когда он не трезв. Таким я его не люблю. Ни уговоры, ни ультиматумы на него не действуют, особенно после того, как я открыла ему душу. Он изменился. Увы, не в лучшую сторону. Но тут я виновата сама. Слишком любила, наивно верила в счастливую семейную жизнь и всячески поддерживала перспективного парня с золотыми руками, умного технаря, способного из любого неработающего прибора смастерить годную вещь. Вот только работать «на дядю» у него получается с трудом и не долго. В поисках лучшего заработка Виталик сидит дома, чинит утюги и чайники соседям и их знакомым, получая оплату не всегда деньгами. Скатывается вниз, но не хочет признавать, что мы живем на дне и что нужно выбираться из этого. Одной мне тащить его тяжело, тем более с маленьким сынишкой, а уйти некуда.

Смотрю на это танцующее чудо и думаю с досадой, почему Виталия такой неугомонный, когда выпьет? Это же сущее наказание. У Светки из соседнего подъезда, она рассказывала, брат, как выпьет немного, сразу ложится спать и ничего его не колышет – ни гости, которые пришли к нему, ни бесящиеся рядом дети. И если вдруг будет землетрясение, он спокойно его проспит, даже если окажется глубоко под завалом.

Мой же муж наоборот. Во-первых, пока не выпьет все, что есть в доме, не успокоится, а то и за добавкой пойдет, а во-вторых, становится суперактивным и приключений ему хочется. Энерджайзер какой-то. Сегодня вот – дискотека у него.

– Виталия! Блин, сделай потише! – я сама себя не слышу – слова тонут в вариации электрогитары.

Зажимаю уши руками, потому что реально боюсь за свои барабанные перепонки, и быстро прохожу к музыкальному центру. Виталик его собрал сам почти из хлама, подключил к самодельному сабвуферу. Адская штука получилась, и муж пищит от восторга, когда включает громко музыку. Сокрушается, что не может использовать саб на полную мощность, но даже вполсилы звук у него такой, что под обоями сыпется штукатурка. А сегодня Виталик явно переборщил.

Выключаю музыкальный центр, и нереальная, звенящая тишина виснет в комнате. Кажется, мебель, воздух, невидимая пыль – все замерло, и даже время остановилось, настолько тихо стало. И только в ушах афтершоком бахают барабаны и бас-гитары рока.

– Э-э! Ты чё наделала? – продолжая «танцевать», открывает мутные глаза Виталия, старательно фокусируя их на мне. – Включи, ну! – с трудом ворочает языком.

Как?!

Как можно было так напиться за три часа моего отсутствия? Это же надо было проснуться и сразу начать пить. На голодный желудок. Чтобы максимально быстро прийти к подобному состоянию. А Виталик, похоже, очень к нему стремился.

– Оглохнешь, Виталия! Соседи жалуются, грозятся полицию вызвать.

– А?

– Я говорю – оглохнешь! – кричу мужу, потому что сама еще не отошла от музыки и не уверена, что он уже не оглох.

Виталия хочет что-то сказать, но только машет в воздухе рукой, выражая что-то типа «пофиг». Снова закрывает глаза и начинает петь, пританцовывая:

Ножевые раненья от холодных огней,

Открывает ночь театр кукол и зверей.

Изображать голосом солиста группы мужу удастся лучше, чем просто разговаривать в таком состоянии. Осторожно подхожу к нему, беру его за локти. Он, не открывая глаза, обнимает меня за талию. Шатается, но сейчас я у него вместо опоры. Продолжает петь, двигая телом из стороны в сторону, заставляя меня «танцевать» вместе с ним:

Перепутаны роли, маски в лица вросли,

Прячется душа от заката до зари.

—

Строки из песни «Город» группы «Ария».

—

– Виталь, слышишь меня? Белый день на дворе, а ты уже пьяный. Ложись спать, а? Давай я тебе помогу?

Ласково, как ребенка, уговариваю мужа и тяну его к кровати. Орать и читать нотации пьяному нельзя, уже знаю, иначе взорвется, потом придется искать пятый угол. Поэтому мягко, с улыбочкой, не выказывая раздражения или обиды за испорченный день, стараюсь утихомирить мужа.

– Я жрать хочу.

Вот как всегда – пьет не закусывая, напивается – «жрать хочу». Муж делает руками мельницу, скидывая мои руки с себя, меняет траекторию нашего движения и, шатаясь, идет к столу. Садится на стул, предварительно чуть не промазав задом мимо сидушки. Выливает остатки алкоголя в стопку.

– Будешь?

– Нет, я не пью, ты же знаешь, – присаживаюсь рядом, внутренне содрогаюсь от запахов и видов. Виталия терпеть не может суету и бубнеж, потому что сейчас мне лучше терпеливо смотреть на своего «красавчика» и ждать, когда он дойдет до кондиции. И желательно улыбаться, а не делать кислую мину.

Муж вливает содержимое в горло, запрокинув голову. Меня передергивает от мерзкой картины. Не могу понять, как можно пить эту гадость еще и в таких количествах. Нотации по поводу вреда алкоголя вызывают у Виталия только раздражение и гнев, а по мне лучше худой мир, чем хорошая война.

– Вкусненько? – заглушаю в себе язвительный тон. Поглядываю на часы – Егорку пора кормить, да и соседка наверняка устала гулять с ребенком. Боюсь, что Лидия Петровна, моя палочка–выручалочка, скоро откажется брать малыша «на пару часов». Но пока мой алкаш спать не ляжет, дергаться бесполезно, иначе будет хуже. Плавали. Знаем.

Членораздельного ответа не получаю, только какое–то мычание. Муж в состоянии глубокого алкогольного опьянения. Локти широко расставлены на столе, голова почти падает. Но до кондиции «пора идти спать» он еще не дошел.

– Закусывай, Виталь, плохо же будет. Ты есть хотел.

Очень надеюсь, что той еды, которая сейчас стоит перед мужем, ему хватит.

Виталий поднимает голову, оглядывает стол. Взгляд упирается в скудную закуску. Молча берет хлеб, подносит его к носу, втягивает в себя запах. Икает. Заторможенными движениями тыкает кусок хлеба в консервную банку в месиво из рыбы и масла, ест «это», капая маслом на стол. Снова икает, но уже с полным ртом. Неприятно. Мерзко.

Молча встаю и иду к окну. Нужно проветрить комнату от исходящего от мужа и его еды амбре.

Свежий осенний ветерок мгновенно врывается в комнату, разбавляя густой перегар чарующим запахом опавших листьев. Громкое чириканье воробьев под ярким солнышком намного приятнее слуху, чем любимые песни Виталика.

Стою у окна, дышу полной грудью и мысленно выстраиваю цепочку дальнейших действий. Дождусь завтра и на трезвую голову буду выносить мужу мозг на предмет как это нехорошо – пить в одиночку, в таком объеме. А уж на какие деньги...

И какой пример он подает нашему маленькому ребенку?

Нужен ли такой отец Егору и муж мне? Одно название от его статуса.

– А где... этот... малой? – не особо разборчиво произносит муж, поднимая голову. Серо–голубые глаза мутные, он смотрит в мою сторону, но я сомневаюсь, что Виталия вообще видит меня – зрачки разъезжаются без фокусировки. Скорее всего, я сейчас для него представляю расплывчатое пятно. Или два.

– Наш сын гуляет с соседкой, – специально выделяю «наш сын». – Скоро домой вернутся. Ты ложись, котик, поспи хоть пару часиков, а я ужин приготовлю.

– С–с–с... – «котик» пытается что–то сказать, не факт, что цензурное, но не выходит и он замолкает. Кладет голову на руки и отключается.

Смотрю на это «тело» и понимаю, что дальше так продолжаться не может. Терпение на исходе. Я выходила замуж, чтобы быть счастливой, любимой, а у мужа одна любовь, и это не я.

Глава 3

Варя

Оставляю благоверного там, где он притулился, одеваюсь и ухожу из дома. Соседи, к счастью, разошлись, а возле подъезда уже сидит на лавочке Лидия Петровна, покачивая коляску.

– Заждались? – спрашиваю тихо, виновато улыбаясь. – Простите, что так долго, Виталья опять напился, кое–как успокоился, – оправдываюсь перед соседкой полусшепотом и заглядываю в коляску. – Как Егорка? Плакал?

– Да ну что ты, милочка! Малыш у тебя ангелочек – спит да спит себе тихонечко на свежем–то воздухе. Маленьким много ли надо? Чтобы в штанах сухо было, сам сытый, да транспорт какой–никакой возил туда–сюда, – ласково улыбается женщина, и я вижу по ее глазам, что она говорит правду – мой сынок не доставил ей хлопот.

– Ох, выспится сейчас на неделю вперед, даст нам жару ночью.

Присаживаюсь рядом с бабушкой. Она убирает морщинистые сухонькие руки с поручня коляски, и теперь я тихонько покачиваю спящего Егорку.

– Спасибо вам, Лидия Петровна, – говорю вполголоса соседке. – Не знаю, как бы я обходилась без вас. Вы нам с Егоркой так помогаете, как родная бабушка, – в горле образуется вязкий комок, от которого еще и слезы наворачиваются.

– Варюша, мне же только в радость помогать тебе. А то сидела бы я одна в четырех стенах, никому не нужная на старости лет, а так хоть какая–то от меня польза.

– Вы даже не представляете, какая от вас польза. И за сыночком моим приглядываете, и подработку мне нашли. Спасибо! – Чтобы не растрогаться сильнее, набираю полные легкие воздуха и растягиваю губы в улыбку: – А еще я сегодня заработала в два раза больше! И, Лидия Петровна, я хотела бы вам отдать половину своего заработка, не отказывайтесь, пожалуйста. Это самое меньшее, чем я могу вас отблагодарить.

– Тебе что, деньги некуда девать? – недовольно заворчала Лидия Петровна, практически пристыдив меня за мои же слова. – На что мне твой заработок? Мне государство пенсию платит, чай, заслужила, а тебе сына поднимать. Сама вон... зима на носу, опять в худенькой курточке ходить будешь?

Лидия Петровна права, каждая копейка у меня на счету. Почти все заработанное уходит на сына – питание, подгузники. Одежду Егору почти не покупаю – все от Светкиных детей достается, у нее их двое – мальчик и девочка, а вещи хорошие, я и не отказываюсь. Детское пособие почти все уходит на коммуналку, а на остатки и небольшие заработки мужа мы живем.

– Простите, я не хотела вас обидеть. Просто ваша помощь так мне нужна... Был бы сынок постарше, я бы его в ясли отдала, а сама на работу пошла. Официально.

«И ушла бы от Витальки» – договорила сама себе то, что вынашиваю в мыслях уже некоторое время.

– Ну так иди. Я присмотрю за малышом, мне не сложно. Твой–то совсем не занимается сыном?

– Почти нет. Так хотел ребенка, а родился Егорка и все, потерял интерес. Не принял он его.

– Беда... – поджимает губы Лидия Петровна.

В коляске тихо посапывает малыш. Надо бы разбудить, унести домой, покормить, поиграть, но там пьяный Виталик. Поэтому я продолжаю сидеть с человеком, с которым мне тепло и спокойно. Оттягиваю момент, когда надо идти к себе.

– Я хочу уйти от Виталика, – признаюсь тихо старушке. – Как только найду работу, сниму комнату. Сама Егорку подниму.

– Если нет любви, то и жизни не будет, – кивает согласно головой моя собеседница.

– Любви нет. Я думала, что дело во мне. Что это послеродовая депрессия. Но время идет, а ничего не меняется. И самое главное, знаете, в сердце у меня пусто. Смотрю на мужа и совсем ничего не чувствую. И что делать с этим не знаю. Сын пока маленький, но он растет, ему отец нужен, но такого не хочу... Лучше уж никакого.

– Знаешь, Варенька, вот что хочешь думай, но я тебе скажу так, как вижу. Виталик не твой мужчина. Не подходит он тебе. Может, что молодой, еще не остепенился, может, по жизни никчемный, но не будет тебе рядом с ним счастья, уж поверь. Не пара он тебе.

Егорка завозился – начал просыпаться. Я поднялась, склонилась над коляской. Обожаю момент, когда сын открывает глазки, видит меня, узнает и улыбается. Вот и сейчас распахнул свои длинные черные реснички, увидел меня и расплылся в беззубой улыбке.

– Эй, привет! – ласково воркую с малышом, протягивая к нему руки. – А кто у нас тут проснулся? Маленький засоня?

Забираю его из коляски, прижимаю пахнущее молоком тельце к себе, утыкаясь в пухлую щечку.

– Мамочка так соскучилась по своему сыночку. Пойдем домой, да, маленький мой?

– Варюша, вы с Егоркой можете жить у меня. Только придется тебе от алкаша своего прятаться. Не доверяю я ему. Буйный он.

– Буйный, – соглашаюсь. – Но нас с сыном не трогает и то хорошо. Спасибо за приглашение. Но если уходить, то лучше подальше, чтобы не нашел. Ну, мы пойдем? Вы только не говорите никому о нашем разговоре, а то мало ли.

– Да нет, конечно, зачем? Ты иди, я коляску сама закачу.

– Спасибо!

Я машу Лидии Петровне Егоркиной ручкой, и мы с ним идем домой.

Глава 4

Варя

– Что ты его постоянно на руках таскаешь? – недовольно ворчит Виталик, появляясь рано утром на пороге нашей кухни в том же виде, что и вчера – в одних трусах. Опухшее лицо во вмятинах от подушки, до которой он каким-то чудом все-таки вчера дополз. Бросает на нас с Егором хмурый взгляд и идет к раковине за водой – сушняк.

Егор сидит у меня согнутой руке, держится одной рукой за мою шею, в другой у него яркая сине-зеленая погрешка, которую он обсасывает деснами, пуская слюни на маечку – зубки вот-вот должны появиться. Свободной рукой я помешиваю суп – вполне удобно. Я привыкла, а процесс приготовления позволяет разговаривать с малышом и не переживать, что ребенок останется без присмотра. Совсем недавно мой мальчик начал сидеть и тянет в рот все, что видит. Не дай бог, схватит с пола какую-нибудь Виталькину деталь.

– И тебе доброе утро! – улыбаюсь, надеясь смягчить настроение мужа, жадно глотающего холодную воду из кружки. – Мы с Егоркой варим сырный супчик с колбасой. Скажи, вкусно пахнет, да?

– А просто колбасы нет? Я б сожрал. – Виталия отрывается от кружки и с надеждой смотрит на меня и даже подмигивает сыну.

Мне улыбаться больше не хочется. Пересаживаю Егорку на другую руку, отворачиваюсь от мужа.

– Нет, я две сосиски купила, в суп покрошила, еще круп купила всяких, макароны, масло, детское питание заканчивается, пополнила запасы, – оправдываюсь и сама же злюсь на себя за это оправдание, как будто я сделала что-то неправильное. А я всего лишь заработала и потратила деньги на еду. Для кого? Для своей же семьи и для Виталика в том числе!

– Где деньги взяла?

– Я же ходила вчера окна мыть, пока ты тут пил. Забыл?

– А-а. Много заработала? На пиво осталось? Башка трещит, сил нет.

– Виталия! Ты офигел?! – возмущение вырывается произвольно. Слишком много накопилось претензий к мужу. – Ты считаешь это нормально? Я работаю как проклятая, каждую копейку вымучиваю и должна тебе пиво покупать?

Я закипаю сильнее бурлящего на плите супа. Плевать на нехорошие искры в серо-голубых глазах напротив. Доброе утро перестало быть добрым при одном упоминании пива.

– У нас растет сын. Ему с каждым днем требуется больше денег и внимания. Ты не можешь ему дать ни одно, ни другое. Мне тяжело, Виталия. Реально тяжело. За нашим сыном присматривает чужой человек, в то время как ты только пьешь и пьешь. Вспомни, как ты хотел сына, что ты мне обещал, когда мы ждали его появления? И где все твои обещания? Где? На дне гомыры?

Егорка заплакал. Сын всегда плачет, когда кто-то повышает голос.

– Тише, тише, сыночек, – сбавляю тон и прижимаю к себе малыша, попутно выключив плиту.

– Все сказала?! – Виталий вспылит, не обращая внимания на плачущего мальчика, чем еще больше напугал ребенка.

Стеклянная кружка в руках мужа вот-вот разлетится на кусочки – у него пальцы побелели, с такой силой он сжал ее. И желваки ходуном ходят и ноздри раздуваются – мои слова взбесили мужа.

Бой взглядами длится несколько секунд. Я сдаюсь первая. Отворачиваюсь к окну, стараясь успокоить сына. Ожидаю услышать в спину оскорбления, унижения, но вместо этого

– тишина, разбавленная затихающими всхлипами Егорки. Через минуту на плечи мне вдруг опускаются мужские руки, и я оказываюсь прижата к голой груди Виталия.

– Прости, – пыхтит мне в затылок.

Я удивлена, но молчу, не веря в поведение мужа. Не понимаю, что он задумал.

– Варь, ну? Я же извинился, – прижимается к моей щеке с виноватым видом, отражение которого я вижу в стекле. С трудом заставляю себя не морщиться от ударившего в нос перегара. – Это было в последний раз.

– Ага, как же, – бурчу недоверчиво.

– Честно–честно. Я на работу устроился. Вот и отметил вчера, извини, не рассчитал дозу.

– Ты? На работу? Куда? – поворачиваюсь к мужу и пытливо заглядываю в глаза – шутит? Егорка успокоился и теперь просто лежит чернявой головенкой на моем плече, изредка громко вздыхая после плача.

– Охранником в крутой ночной клуб. С четырех дня до четырех ночи смена, потом два дня дома. И зарплату хорошую обещают два раза в месяц, плюс полный соцпакет. Заживем.

– Правда? – все еще не верю в то, что услышала. Но серо–голубые глаза напротив вроде не лгут. – А после смены опять пить будешь? Смысл идти на работу? Все, что заработаешь, будешь пропивать.

– Говорю же – последний раз вчера пил. Да, малой? – Виталий касается пальцем носика Егорки, на что тот улыбается и прячет личико мне в ключицу. – Вон, даже сын мне верит. А в выходные буду чинить технику. Может быть, удастся свой сервис открыть, как думаешь?

«Я думаю, ты давно бы открыл свое дело, если бы алкашкой не увлекался», но вслух я говорю другое:

– Если поставишь цель, то обязательно ее добьешься. Главное, не сбивайся с пути. Обедать будем?

– А на пиво дашь денег? Голова болит.

И если пару минут назад я вдруг поверила, что у нас с Виталиком все может измениться в лучшую сторону, то после последнего его вопроса я снова вернулась с небес на землю.

– Нет у меня денег. Вчера все потратила.

Ненавижу врать, но выхода нет. И первые отложенные сэкономленные деньги думаю отнести к соседке на хранение, чтобы Виталя вдруг не нашел.

Глава 5

Егор

Семь утра, а я на пробежке в парке. Холодное утро и ясное небо обещают солнечный, возможно жаркий к обеду день – бабье лето в самом разгаре.

По плану пять кругов. Два круга позади. Лицо максимально скрыто капюшоном, мокрая от пота футболка под толстовкой неприятно липнет к телу, и я ускоряюсь, мечтая поскорее выполнить ежедневное задание и добраться до освежающего душа.

В наушниках биты любимой музыки. Нападавшие за ночь красно–желтые листья мягко шуршат под ногами. Не слышу, но чувствую, как они сминаются под черной подошвой беговых кроссов.

На пути встречаются редкие прохожие кто с собакой, кто без. Как обычно ни на кого не обращаю внимания. Они для меня не более чем размытые пятна, попадающиеся на моем пути на неширокой асфальтированной дорожке. Иногда боковым зрением замечаю оранжевые жилетки дворников, убирающих с дорожек листья. Нос улавливает приятный запах жженой травы и листвы – то тут, то там тлеют дымящиеся кучки. Дым стелется по повядшей темно–зеленой траве серым туманом.

– Егор! Егорушка! – слышу женский, мелодичный голос, напоминающий мамин из детства.

Я замедляюсь. Делаю еще два шага и останавливаюсь как вкопанный. Оглядываюсь. Метрах в десяти от меня стоит девушка с коляской и, наклонившись над ней, агукает с ребенком. Как я мог слышать ее голос, если я в наушниках? Ничего не понимаю.

– Вы меня звали? – громко обращаюсь к девушке, вынимая один наушник.

Она выпрямляется и с удивлением смотрит на меня. Утреннее солнце бьет ей в глаза и мое лицо, скрытое под капюшоном, скорее всего ей не видно, зато я девушку могу разглядеть во всех деталях.

Какие у нее глаза! Большие, красивые. И брови взлет. И губки бантиком. И шейка тоненькая, хрупкая, как у фарфоровой статуэтки.

– Нет, я с сыном разговариваю, – отвечает тем же голосом, что я слышал минутой ранее, и вдруг улыбается мне – искренне так, открыто.

Чет растерялся я от этой улыбки.

– О, простите, а мне показалось со мной.

Разворачиваюсь, снова втыкаю наушник и бегу дальше, недоумевая, как я мог слышать ее голос сквозь песню. Мистика какая–то.

Пробегаю еще круг и совсем чуть–чуть замедляю темп, когда вижу впереди ту же девушку. Она медленно катит коляску по краю дорожки. Миниатюрные ручки держат коляску за поручень. Тоненькое обручальное колечко сверкает на безымянном пальчике. Еще бы такая красота и замужем не была бы!

Девушка смотрит по сторонам, очевидно, оглядывая полуобнаженные осенние деревья, иногда задирая голову к вершинам, любуясь утренним, еще бледным небом. Коса у девушки толстая, длиной до попы и волосы русые, видно, что натуральные, некрашенные. Фигурка худенькая, точеная, в узкие голубые джинсы одетая и легкую бежевую курточку. На ногах кроссовочки простенькие.

Я бегу мимо. Впереди еще два круга. Как раз что–нибудь смогу увидеть в этой девушке еще.

И вижу. Она снова наклонилась к ребенку, а из–под короткой курточки выглянул кусочек голой поясницы. Кожа белая. И это после жаркого лета. Совсем не загорала или загар не

пристает? От поясницы взгляд скользнул ниже – красивая попа. Мысленно завидую мужу этой красотишки – он счастливчик!

Пробегая мимо, ожидал услышать ее голос, обращенный к малышу, но забыл, что у меня в ушах музыка.

На последнем круге девушка повернулась ко мне чуть раньше, чем я успел пробежать мимо. Надеюсь увидеть мое лицо? А солнце снова оказалось на моей стороне. Девушка улыбнулась мне кончиками губ, а потом смутилась и поспешно отвернулась. Пофлиртовать решила? Смешная. Молодая.

Замужняя. Ребенок.

Мимо.

Пробежка закончилась, и я спешу домой – душ, холостяцкий завтрак и на работу.

Не каждый день, но частенько бывает, что мы снова встречаемся с той молодой мамочкой – она с ребенком гуляет, я бегаю. Иногда она берет ребенка на руки и воркует с ним. Улыбается счастливо, а малыш ей в ответ что-то гулит, кулачками машет. Хорошенький, темноглазый. Сколько интересно ему? Не понимаю в возрасте, но думаю, малыш еще ходить не умеет. Против воли теперь взгляд ловит в парке знакомую фигуру. Это раздражает, будоражит, нервирует.

С девушкой мы теперь здороваемся при каждой встрече. Она улыбается в ответ, кивает. Красивая.

Как вижу ее рано утром в парке, так в голове роем крутятся вопросы, наслаиваясь друг на друга. Самый важный – почему она гуляет одна так рано? Могла бы мужа завтраком накормить, на работу проводить.

Странная она.

«Так, Курагин, – одергиваю себя, – ты слишком много думаешь об этой женщине. Еще и замужней. Еще и с ребенком. Тебе проблемы не нужны».

В очередной раз пробегаю мимо.

Глава 6

Варя

– Варенька, а в кого это у тебя сыночек такой темноглазенький? Что ты, что мужик твой светленькие, а Егорка в кого?

«Начинается. Мимо пройти нельзя, дай повод посудачить. Лучше бы дверь подержали» – ворчу про себя, выкатывая одной рукой коляску из подъезда, другой держу Егорку. Коляска как назло зацепилась колесами за порожек и не поддается.

– В деда, – бросаю бабушкам–соседкам, каким–то чудом усевшимся вчетвером на коротенькую лавочку. – И вам здравствуйте! Да чтоб тебя! – в сердцах громко ругаю Егоркин транспорт, мысленно взывая кого–нибудь на помощь. Только бабульки и думать не думают помочь. Наверное, боятся, что как только кто–нибудь из них встанет с лавочки, так на ее место тут же подвинется более проворная попа.

– Ага, как же в деда. Нагуляла, поди, а теперь «в деда», – зашамкала баба Зина из четвертого подъезда и даже не ступевалась от моего красноречиво возмущенного взгляда, когда я развернулась к бабушкам. Зато остальные члены дворового серпентария дружно закивали бабе Зине, поддерживая ее гениальную мысль. У–у, бесстрашные. В следующий раз я вам сама дискотеку устрою.

– Вот–вот, я тут смотрела по телевизору, – подхватила за бабой Зиной престарелая женщина рядом с ней, с лицом, похожим на печеное яблоко. Кажется, ее зовут бабой Верой, и она из соседнего двора, – девчонка по пьяни переспала сразу с двумя, а потом ребеночка родила не знамо от кого из них. К одному сунулась – не нужна, к другому – тоже. Так и осталась с довеском на бобах.

– С двумя? Тьфу ты, ни стыда, ни совести! Совсем девки ополоумели. Вот в наше время такого не было.

– Не было, не было, – поддакивают остальные собеседницы.

Чертово колесо! Чертова коляска! Чертовы бабки и их ядовитые языки! То глухими и слепыми притворяются, а то все видят, все слышат, еще и придумают с три короба. Оставляю на минуточку коляску в покое.

– Подержите Егорку, пожалуйста, – сую сынишку тете Нюре – самой молодой из сидящих здесь женщин, от того и язык не поворачивается назвать ее бабушкой. Она больше всех из присутствующих здесь вызывает доверие. Я же снова иду вызволять несчастный транспорт из заточения.

– Ой, какой хорошенький мальчик. А куда это наш Егорка пошел? Гулять? А папа твой где? Дома? – приторно ласковым голосом залилась тетя Нюра, усаживая малыша себе на колени.

Как хорошо, что сын говорить не умеет. Лупает глазенками на незнакомые лица, хмурит бровки, но молчит, не боится чужих людей.

Надо бы отмолчаться, но природная вежливость...

– На работе наш папа, – отвечаю за сына, давая новую пищу для сплетен.

– Да ты что? Устроился? А куда, а кем? А зарплата хорошая?

– Охранником.

Большим делиться не хочется. Пусть пытаются самого Виталика, как только увидят. Хотя у него с ними разговор короткий – не ваше дело и все. Это мне приходится быть вежливой, чтобы вот хотя бы так с Егоркой помогли.

– Варюша, а у тебя дед каких кровей был?

Ох, как ты мне дорога, баба Зина! Да что бы я еще хоть раз помогала тебе сумки с гречкой из магазина тащить! Не дожدهшься!

– Русский он, русский, только черноволосый и кареглазый.

– А ты в кого тогда такая светлая?

О, боже, дай мне силы!

– Вы не переживайте так, баб Зин. Егорка **мой** сын. Мой и Виталия. А то, что он черненький, так это у природы надо спросить, она краски–то раздает.

Бабульки о чем–то зашушукались между собой. До меня донеслись только жалкие обрывки: «врет, нагуляла, а всем теперь лапшу на уши вешает».

– Знаете что? – от злости и раздражения меня заколотило, и я с трудом сдержалась, чтобы не выплеснуть яд в ответ на домыслы. Вместо этого после глубокого вдоха развернулась к местным сплетницам с милейшей улыбочкой на лице. – Услышал бы вас сейчас мой дед, он бы вас валенком отходил за сплетни, честное слово!

– Почему валенком? – вытаращила на меня черные как уголь глаза тетя Нюра, от удивления перестав качать моего сына на коленке.

– Потому что кочергой покалечить можно!

Коляска, будь она неладна, наконец, отцепилась от несчастного порога и дала выкатить себя на дорожку.

Под отвисшие до земли челюсти бабушек я с той же очаровательной улыбочкой чинно подхожу к тете Нюре, забираю Егорку из ее рук.

– Спасибо, тетя Нюр!

Усаживаю сына в коляску. Взмахиваю косой и гордо удаляюсь от подъезда.

Через некоторое время слышу в спину «Хамка».

– Тетя Валя, смотли какой у меня букет! – подбегает ко мне Аленка, Светина дочка, показывая букет из желтых листьев. Девочке шесть лет, а ее братику, Кириллу, три года, и он тоже торопится мне навстречу с букетом поменьше в вытянутой руке. Мама этих чудных, ярко одетых детей, сидит на лавочке, подставив солнышку конопатое личико. Отдыхает, пока дети развлекаются рядом.

Света старше меня на пять лет, а сдружились мы, еще когда я ходила беременной. Она сама подошла ко мне, пока я гуляла и, немного стесняясь, спросила, не нужны ли мне детские поношенные вещи. Так мы и дружим с тех пор, наблюдая, как растут наши дети, помогая друг другу по возможности.

– Очень красивый букет, – после стычки с соседками заставляю себя улыбнуться Аленке. – Привет, Кирюша. Ого, какие у тебя большие листики.

– Пливет. Я сам соблал.

– Молодец!

Сажусь рядом со Светой, принимающей солнечные ванны. Аленка оставила свой букет на соседней лавочке, забрала у меня коляску и с важным видом теперь катает Егорку, изображая мамочку. Напевает что–то себе под нос. Кирюшка продолжает копошиться в куче листьев, собранной дворниками.

– Чего пыхтишь? – не открывая глаз, спрашивает меня Света.

– Да... бабки достали! Пока коляску вытаскивала, весь мозг чайной ложечкой выели.

– Что на этот раз? Опять на шум жаловались? Виталику кости промывали, чтобы ярче блестели?

– Если бы. Пристали с вопросами в кого у меня Егорка такой темненький.

– А в кого у тебя Егорка такой темненький? – оживилась Светка, открыв глаза и развернувшись ко мне на полкорпуса. Любопытство и азарт узнать что–то тайное читалось на лице подруги.

– Ну ты, Свет, хоть не начинай, а? В деда он. Я же говорила тебе.

– Ага–ага, – надула губы Света. Прищурилась, пытливо глядя на меня. Не верит.

– Свет, ну сама посмотри. У Егора носик мой, губки мои, ушки маленькие, ровненькие как у Витальки. Подрстет, будет сильнее похож.

– Сама–то в это веришь? Он уже сейчас другой, а дальше сильнее меняться будет.

– Я же говорю – в деда.

– Ну, в деда, так в деда. Слушай, а может у тебя в роддоме детей подменили? Ну а что, бывает же.

– Света! – задыхаюсь от негодования. Ожидала от подруги поддержки, а получается наоборот. – Егорка МОЙ сын! И не смей сомневаться!

– Ладно, ладно, – успокаивается конопатая, понимая, что другой информации не добьется. Оглядывается в поисках детей и, убедившись, что они рядом и в порядке, снова откидывается назад, прикрыв глаза. Я следую ее примеру.

Хорошо Светке. Ее Аленка – копия Ромки, а Кир похож на маму – такой же веснушчатый, круглолицый, с мимикой родительницы.

– Может мне в черный перекраситься, чтобы вопросов меньше было, а? – не открывая глаз, задумчиво спрашиваю совета.

– С ума сошла, Варька? У тебя такой цвет шикарный, свой, не вздумай трогать его, – не меняя положения, в тон моему отвечает Света.

– А как же Егорка?

– Егорка ТВОЙ сын, а все остальное, поверь, не важно. И всех любопытствующих шли в пешее эротическое без зазрения совести. Пару раз пошлешь, потом сами бегать будут.

И добавляет спустя паузу:

– Хорошо–то как!

– Это ты про пешее эротическое? – хмыкаю.

– Это я про солнышко и тепло, – со смехом отвечает мне подруга.

Глава 7

Егор

Всю ночь и утро моросил мерзкий дождь. Похолодало, бабье лето кончилось внезапно, но своим привычкам я не изменяю. Утренняя пробежка по парку – ежедневный ритуал, отменить которые могут только какие–нибудь природные катаклизмы или суперважные обстоятельства. К счастью, таковых не имею, погода не пугает, поэтому пять кругов беги, Курагин, несмотря ни на что и на кого.

Ага. Как же.

На первом же круге снова встречаю ту девушку. Она в той же одежде, что и обычно, и мне кажется, ее потряхивает от холода. «Курточку можно уже и потеплее надеть» – как–то по–отечески ворчу про себя. В одной руке у нее пестрый зонтик, другой коляску толкает медленно. Коляска накрыта прозрачным чехлом. Хорошо хоть ребенок защищен от дождя и холода. И снова тот же вопрос: что за необходимость так рано гулять в парке?

– Здравствуйте! – пробегая мимо, поворачиваю голову, киваю девчонке. Она вздрогнула. Видимо, задумалась и я ее напугал. Ну извините, не хотел пугать.

Бегу дальше. Плечо жжет. Смотрит?

Дождь усилился. Ветра нет, слышен только тихий шелест капель о листву.

Второй круг.

Девушка на корточках сидит перед коляской, что–то пытается с ней сделать. Русая коса, напоминающая толстый пшеничный колосок, свисает вперед, мешает. Девушка откидывает ее назад, но она снова падает вперед.

Подбегаю ближе и вижу, что у коляски отломилось колесо. Не удивительно – она настолько древняя, что странно, как она до сих пор катиться могла.

– Проблема, – я останавливаюсь в двух шагах от коляски, оценивая ситуацию. Нарочито грубо говорю, сам себя ругая за то, что такой сердобольный, не мог пробежать мимо. – Я посмотрю?

Не дожидаясь ответа, в два шага приближаюсь и присаживаюсь рядом на корточки. Девушка испугано отскакивает в сторону, а я боковым зрением ее ножки стройные вблизи оцениваю. Зачетные. Переключаюсь все же на проблему. Колесо слетело с оси, а крепеж рассыпался в руках – старый пластик высох и раскрошился.

– Что же ваш муж за транспортом сына не следит? Технику обслуживать надо, а то вот видите – авария случилась.

Про мужа я специально удочку закинул. Просто чтобы узнать есть он или нет, а то может кольцо на пальце для вида, чтоб вопросов лишних не задавали.

– Она вчера у меня в подъезде застряла. Пока вытаскивала, наверное, колесом зацепила, – оправдывается девчонка.

– Что помочь некому было? Муж чем занимается?

– Работает.

А муж все–таки имеется.

– Столько работает, что времени на сына не хватает?

Молчит. Обиделась, наверное. Зря я разворчался, мало ли какой у нее муж.

– У вас коляска хлипкая, вот–вот совсем развалится, – говорю мягче и смотрю на девчонку снизу вверх. У нее губки подрагивают. Обидел я ее, да. А может, замерзла просто. – Лучше новую купить.

Поднимаюсь с корточек. Девушка ростиком на голову ниже меня стоит на расстоянии вытянутой руки. Глаза распахнула и теперь уже она смотрит на меня снизу вверх то ли насто–рожено, то ли испуганно. Но без флирта точно. А глаза–то у нее зеленые–зеленые, как трава

майская, и с веером белесых ресниц без туши. На носу еле заметные пятнышки – веснушки. А на щеках, там, где у некоторых людей ямочки появляются от улыбки, симметрично с обеих сторон расположены черные точки – родинки. Мило так.

– Давайте я помогу вам ее до дома дотащить, а вы ребенка несите. Или нет. Вы катите коляску, вот так, – разрываю затянувшийся зрительный контакт, приподнимаю бесколесный угол, делая упор на трех целых колесиках, – а я ребенка понесу. Он же тяжелый, наверное.

– Не надо, я сама, – голос дрожит, сама трясется. И чтобы скрыть свое состояние, она аккуратно кладет зонтик на дорожку, наклоняется к коляске, снимает чехол и забирает сонного мальчика на руки. Малыш захныкал, а она лицом прижалась к его личику и тихо заворковала ему в щечку: – Тише, маленький мой, тише, зайчик. Мама здесь, мама с тобой.

Малыш притих, а девушка тем временем подняла зонтик, спрятала себя и чадо от дождя.

Глядя на эту парочку, у меня защемило где-то в груди. Если бы обстоятельства сложились по-другому, у меня сейчас тоже был бы малыш. Или малышка. Может быть, и не один. Первенцу было бы около пяти лет. Тряхнул головой, прогоняя мрачные воспоминания.

– Как вас зовут? – спросил, чтобы как-то отвлечься от грустных мыслей. Девушка уходит не торопится. Так и стоит, держа ребенка и зонтик.

– Варвара. Варя.

– А меня Егор.

– Правда? – дергает губы в улыбке. – Моего сына тоже зовут Егор.

Спящий малыш громко вздохнул на руках мамочки. Наверное, услышал свое имя.

– Тезка, значит, – я улыбаюсь в ответ. – Красивый малыш. На маму похож.

Варины щеки розовеют от смущения. Опускает глаза. Улыбается. Я чувствую, что она не знает, что теперь делать. Я, честно говоря, тоже. Я ведь предложил вариант, видимо, он девушку не устраивает.

– Так куда вас проводить? – настойчивее спрашиваю, давая тем самым понять, что не отстану и в беде эту парочку не оставлю.

– Туда, – Варвара махнула головой в противоположную сторону, отчего ее русая коса подлетела немного вверх и опустилась на спину. – Коляску и правда надо выбросить, – проговорила тихо, с сожалением. Все, очевидно, печальнее, чем я думаю.

– Тогда я дотащу ее до мусорки и там оставлю. Не бросать же ее здесь.

Подхватываю сломанный транспорт малыша и уверенно шагаю в указанную сторону. Фитнес-браслет показывает, что время пробежки закончилось. Завтрак остался под вопросом, но на работу надо успеть вовремя – на девять назначена важная встреча. Мамаша семенит сзади, еле поспевая за мной, но темп я не меняю – опаздываю.

– Варвара, раз я не смог помочь вам с коляской, можно я куплю тезке новую?

Предложение сорвалось с языка раньше, чем я успел подумать. Хрен знает, откуда возник этот порыв благотворительности.

Девушка остановилась. Это я заметил, только когда услышал сзади твердое «Нет!».

– Почему нет? – разворачиваюсь к ней, сталкиваюсь с напуганной зеленью.

Дурак. Мог бы и сам догадаться почему. Как она объяснит мужу появление новой коляски?

– Как же вы теперь без транспорта-то? – я растерялся. – Слушайте, давайте я заберу вашу коляску и попробую починить, а завтра здесь же встретимся, и вы ее заберете. Идет? Ну а дома скажете, что во дворе ее оставили.

Варя несколько секунд смотрит на меня. А глаза у нее еще зеленее, чем я в первый момент увидел. И глубокие-глубокие, прозрачные.

– Думаете, у вас получится?

– Я постараюсь.

– Хорошо, тогда до завтра. Только новую точно не надо. Пожалуйста, – последнее слово добавила с умоляющими нотками в голосе.

Муж этой девчонки не может заработать на новую коляску для сына? Инвалид?

Я честно притащил домой эту рухлядь, недоумеваю всю дорогу, а потом и целый день на работе, как я мог так вляпаться. Зачем мне этот гемор, если у девчонки есть мужик? Он должен ремонтировать, разве нет? Я тут каким боком?

«Давайте я заберу вашу коляску и попробую починить» – язвлю сам себе весь день. Идиот, упустил прекрасный шанс промолчать. Вообще надо было бежать мимо. А теперь вот тебе, Курагин, головная боль – отремонтируй, раз вызвался.

Чинить хлипкий полуразвалившийся детский транспорт – безумие. Проще купить новую, современную коляску. Сейчас они практичные, маневренные, удобные. Я могу себе позволить сделать такой подарок мальцу, но обещал Варваре, что не буду этого делать.

Варвара. Варя. Варенька.

Красивое имя, красивая девушка. Перед глазами весь день так и стоит ее личико с зелеными глазами, веснушками и точками на щечках. Отгоняю ее образ, заставляю себя переключаться на работу. Катерину несколько лишних раз вызывал к себе в кабинет под разными предлогами. Знаю, неровно она ко мне дышит. Попробовать замутить с ней, что ли, чтобы всякие замужние в голову не лезли? А что, Катя не замужем, детей нет, красивая, не глупая.

Вот коляску почию Егорке и поведу секретаршу в ресторан, кино или куда там еще ходят? Эх, старею, стал забывать, как ухаживать за дамами.

Сколько у меня женщины не было? Давно. После Ирины пытался пару раз строить отношения – не вышло, не срослось. Катю вот взял на работу, думал, разбудит эта эффектная женщина хоть какое-то влечение к женскому телу, но пока кроме эстетической улады глазу ничего нет.

А Катерина старается завоевать мое сердце. Глазками так и стреляет. Крутится лисой передо мной, позы соблазнительные принимает, старается показать себя с лучшей стороны. Всегда безупречная в деловой одежде – белая блузка, узкая юбка с разрезом по бедру, туфли на шпильке. Волосы шикарные – темные, с шоколадным оттенком, чаще всего распущенные, с идеальными локонами.

Но главная Катина фишечка–заманушка – стройные ножки, упакованные то в сетку, то в горошек, то с сердечками, то с идеально строгим швом сзади. Каждый день новый цвет и рисунок. И что уж говорить, выглядит Катя в свои 27 сексуально. Вот так с утра оценишь «эротический» вид секретарши после чашечки кофе и весь день заряжен на работу лишь бы не фантазировать и не гадать, что там у Катерины под юбкой – чулки с поясом, с подтяжками или без, или просто колготки.

– Катерина, зайди, – в очередной раз вызываю сотрудницу в кабинет и через несколько секунд вижу ее перед собой со стандартным набором в руках – ручкой и блокнотом.

– Слушаю, Егор Дмитрич.

Киваю, чтобы присела.

Сегодня секретарша в черных чулочках с широкой ажурной резинкой. Это она аккуратно продемонстрировала, присев на стул и положив ногу на ногу, как бы не заметив, что юбка задралась чуть выше положенного. А разрез на бедре открыл взору тот самый соблазнительный ажур.

Катерина поддалась грудью вперед, показывая всем видом, что готова меня слушать и записывать каждое слово. Сама глазками пожирает, ротик приоткрывает. И локоны и без того идеальные поправляет, изящным жестом перекидывая их на одно плечо. Красавица.

Смотрю на Катерину, а думаю о Варе и ее коричневых, почти черных, родинках на щеках. Психую из-за этого, раздражаюсь на жеманство секретарши.

– Катя, такое понятие как дресс–код знаешь? – делаю замечание женщине.

Понимаю, что идиот и в глазах Катерины, и в своих собственных, но что–то клинит не по–детски меня сегодня.

– Что вам не нравится, Егор Дмитриевич? – наигранно удивленно хлопает густыми черными ресницами Катя. Встает с места, оглядывает себя, крутятся в разные стороны. – Блузка не прозрачная, юбка до колен, туфли классические, а с голыми ногами в офисе ходить неприлично.

Я понимаю, что возразить мне нечем, а между тем Катя огибает стол и подходит ко мне неприлично близко. Смело опирается попой о край стола, чуть поддается вперед. Грудь волнительно вздымается под белой блузкой. Утыкаемся друг другу в глаза. Катерина выше, а я, утопая в кожаном кресле, чувствую себя затравленным кроликом. Пялюсь на пухлые губки, окрашенные в ярко–красный цвет. Сглатываю, вдохнув сладкий аромат дорогих духов, которые, кажется, я сам и подарил секретарше.

Кто–то сейчас проиграет в этой игре соблазнения и этот кто–то, однако, буду я.

– Или вам мои чулочки не нравятся? – мягкий воздух полусшепота касается уха. – Я могу снять...

– Катя! – сиплю. Прочищаю горло и повторяю громче и строже: – Катерина! Субординация! Еще раз подобное повторится – уволю к чертям собачьим!

Зря я дал в свое время слабину и позволил подчиненной так вольно себя вести. Неужели пара, ну ладно, не пара, почти ежедневные комплименты, несколько коробок конфет и флакончик французских духов на 8 марта дали повод Катерине думать, что у нас возможны отношения? И о чем я думал несколько минут назад? Что надо попробовать замутить с Катериной? Что–то я погорячился.

– Егор... Дмитриевич...

Пока я соображаю что делать, сотрудница, мягко улыбаясь, немного отстраняется. Смело касается пальчиками воротника моей рубашки, скользит к шее, поглаживает кожу подушечками. Но вместо россыпи приятных мурашек от дамского прикосновения во мне только усиливается раздражение.

– А пригласите меня на ужин, – между тем томно произносит девушка. – Так скучно дома вечером... и спать одной... холодно... Вам ведь тоже, правда?

– Ты переходишь все границы, Катерина, – хватаю руку секретарши за запястье, сжимаю, так, что она тихо вскрикивает от боли, отвожу ее руку в сторону. Добавляю стали в голос: – Я женат, если что.

Катя тарасит на меня карие глазки, хлопает ресницами. Не верит. Бросает взгляд на мою руку, все еще стискивающую ее тонкое запястье. Разжимаю пальцы. Розовые следы остались на белой коже соблазнительницы. Надеюсь, ума хватит не заявлять, что я ее домогался.

– У вас кольца нет, – почти шепчет. – Я подумала... вы одинок, я одна... мы могли бы попробовать... Вы ведь сами...

Что «сами» не даю договорить, грубо прервав девушку:

– Думай о работе, Катя. А о своей личной жизни я подумаю сам. Андестенд?

В общем, выгнал Катерину из кабинета и больше не звал ни разу за день, забив на поручения. И кофе не просил – видеть без крайней необходимости секретаршу желания не было.

Инцидент с Катей забылся мгновенно, стоило ей покинуть мой кабинет. Все мысли снова заняла Варенька и ее проблема.

Остаток рабочего дня провел в думках о странной девушке с ребенком и предстоящем ремонте коляски. Полазил в интернете, поискал информацию как можно закрепить это

несчастное колесо. Именно к этой коляске многие «ремонтники» тоже писали отзывы, что проще купить новую.

Но я упорный и обещания держу, поэтому, затарившись после работы всякой мелочью, что может пригодиться в починке колеса, тороплюсь домой, чтобы приступить к делу.

Наспех поужинал и остаток вечера посвятил ремонту. Удовлетворенно заснул, когда все получилось – колесо прикрепил надежно, остальные тоже проверил, подправил, подтянул гайки, смазал места крепления. Покатал коляску по квартире, проверяя ее маневренность. Она даже скрипеть стала меньше.

Видел бы меня кто–нибудь из близких, решили бы, что я свихнулся, а я катал доисторическую коляску по просторным комнатам, то ускоряясь, то замедляясь, то совершая различные маневры, объезжая невидимые препятствия. И лыбился при этом от гордости за себя как дурачок, как будто сделал своими руками крутую игрушку собственному сыну.

Впервые за долгое время другими глазами посмотрел на свое жилище. Площадь большая. Здесь хватило бы места и жене, и нескольким ребятишкам. Купил бы им трехколесные велосипеды, самокаты. Пусть бы зажигали здесь, когда погода не очень для прогулок. Женой почему–то представил Варвару, одним из сыновей – Егорку. Попробовал заменить образ Вари бывшей женой. Ирина не вписалась ни в квартиру, ни в роль жены.

Вообще рядом с собой ее не видел. Впервые за три года.

Катерину «примерил». Обозвал себя придурком. Похоже, я заболел.

Глава 8

Егор

Утром мы встречаемся с Варей и Егоркой в условленном месте в парке. Девчонка помачала рукой еще издали, когда увидела меня, катящего их коляску.

– Доброе утро! – я против воли широко улыбаюсь, подойдя ближе, а ведь давал себе установку держать дистанцию от этой блондинки и не вестись на чары ее глаз цвета майской зелени.

– Здравствуйте! – девушка обрадовалась мне (или целой коляске?) и сама же смутилась такой явной радости, спрятала лицо за шапочкой спящего на ее плече сынишки.

– Тяжелый богатырь? – киваю на мальчонку.

– Есть немного, – справилась с эмоциями, посмотрела прямо, лучась благодарностью.

– Держите ваш автомобиль, надеюсь, не подведет. Но если что – обращайтесь, будем ремонтировать.

Подкатываю коляску ближе к Варваре, стараясь не выпячивать грудь как индюк, а то гордость за себя так и распирает.

– У вас получилось ее починить? – восторженно блестят зеленые глаза.

Маленькая ростиком эта Варя. Мне до подбородка еле дотягивается. Миниатюрная.

– Делов–то, – хмурюсь. Поведение Вари раздражает и вызывает непонимание. Почему она такая улыбчивая со мной, по сути, чужим мужиком? Не стыдно при живом–то муже? Кстати, о муже. – Дома транспорт ваш не потеряли?

– Нет, все обошлось.

«Отдал? Иди, Курагин, отсюда подальше, не питайся иллюзиями», – вопит мозг, но я стою болванчиком. Разглядываю девчонку и борюсь со своими желаниями дотронуться до ее родинки на щеке, потом до другой. Еще сильнее хочется обнять, прижать покрепче, поцеловать в коралловые губки бантиком, вкус их почувствовать, запахом подышать. И не отпускать.

Тряхнул головой, избавляясь от наваждения. Ну точно, больной. Холостяцкая жизнь называется, уже на замужних накинуться готов. Катерина, вон, только намекни, сразу в оборот возьмет, а ничего в ней не трогает. Ни–че–го. А эта – чужая жена, но такая желанная...

Варвара тоже заморожено пялится на меня (по крайней мере, мне хочется думать, что на ее хорошеньком личике отображаются именно такие эмоции). Спихватилась вдруг, смутилась, аккуратно положила сына в коляску. Утро выдалось холодное, и ребенка она дополнительно укутала в теплое одеяло, так что теперь ей остается только расправить складочки, чтобы малышу было удобнее и не поддувало. Егорка не проснулся. Вместо этого покряхтел, посопел, смешно нахмурил темные бровки.

– Тш–ш, – покачала она коляску. – Спасибо вам, Егор! – вполголоса обратилась ко мне.

Мы синхронно начинаем неспешное движение по дорожке. Надо бы прощаться, но расставаться почему–то не хочется. Поглядывая на девчонку сбоку, иду рядом.

Город только–только просыпается, но это там, за пределами парка, а здесь тихо. Легкий утренний ветерок играет листьями под ногами. Я чувствую приятный цветочный запах, скорее всего, исходящий от Вари. Жаль, нельзя проверить, зарывшись носом в ее пшеничные волосы и дышать, дышать полной грудью.

Варя замечает мои косые взгляды, улыбается:

– Вы не представляете, как вы нас выручили. А то пришлось бы моему мальчику гулять на ручках.

– Думаете, муж не справился бы с колесом?

– Ну... он... – замялась, а потом вдруг остановилась: – Ой, а сколько я вам должна за работу?

Я чуть не задохнулся. Она что – деньги хочет предложить? И чуть не ляпнул – себя. Вовремя одумался. Так, Егор, завязывай! Найди себе нормальную бабу и не кидайся на малолеток, а то еще возомнит себе невесть что, не отобьешься.

– Ничего, абсолютно. Гуляйте на здоровье, – говорю как можно равнодушнее, продолжая путь. Варя тоже идет рядом. Со стороны мы, наверное, хорошо смотримся. Как семья.

– Ну как же так, мне неудобно.

– Неудобно спать на потолке, а это все мелочи. Мне самому было интересно, получится у меня или нет наладить колесо. Все–таки не новая модель–то.

– Не новая... но до зимы недолго осталось, а там на саночки пересядем, к лету Егорка сам бегать будет.

– А сейчас еще не бегает?

– Что вы! Он только недавно сидеть научился и уже ползать пробует.

В голосе Варвары звучит гордость за сына.

– Сколько ему?

– Семь недавно исполнилось.

– Семь чего? Месяцев?

– Ну не лет же, – звонко смеется Варвара. – Конечно месяцев.

– О, вот это я тупанул, – смеюсь в ответ, потираю ладонью шею. Косяк. – Я как–то с детьми близко не знаком, вот и не соображаю что говорю.

– У вас нет детей? – сочувствующе ахает девушка.

– Нет, – смеяться больше не хочется. – Как–то не получилось.

– Оу, простите... Спасибо, что мимо не прошли, – добавляет после повисшей неловкой паузы.

– Скорее, что не пробежал? – усмехаюсь.

– Ну да, – улыбается и от ее улыбки мне снова становится легко. Боль неприятных воспоминаний исчезает.

– Не благодарите. Мне в радость было помочь вам.

А вообще, Курагин, пора и честь знать. И так девчонка все мысли занимает днем и ночью. Нехорошо это, неправильно. У нее семья.

Вспомнил про наушники, достал их из кармана. Утреннюю пробежку никто не отменял. Время еще есть, успею набегаться. Вот и повод закончить утреннюю встречу.

– Ну, я побежал? Хорошей прогулки.

Варя взмахивает веером светлых ресничек в знак согласия, чуть склоняет голову.

Я втыкаю наушники в уши, включаю музыку. Натягиваю капюшон и бегу вперед, коряво махнув рукой девчонке на прощание. Перед глазами так и стоят восторженные зеленые глаза Варвары.

Как она на меня смотрела! Я богом себя чувствовал в тот момент.

«Во дурак! – одергиваю себя. – Сороковник на носу, а на малолетке завис, да еще с ребенком, да еще и замужней.»

Я бегу привычным маршрутом, но заметив знакомую фигурку через круг, снова замедляю темп. Не свожу глаз с аккуратной попы, округлых бедер, стройных ножек, и в груди что–то волнительно трепыхается. Ну как у подростка, ей–богу. И не могу отделаться от мысли, что надо найти новый повод сблизиться с Варей, потому что...

Зацепила. Меня. Чужая жена с ребенком.

А если...

Обегаю коляску, преграждая ей путь. Варя ойкает, останавливается. В глазах вопрос и немного испуга.

– Варвара, я, кажется, знаю, как вы можете меня отблагодарить.

Глава 9

Варя

Егор убежал, а я, глядя ему вслед, не торопясь качу коляску со спящим сынишкой по утреннему парку. Безумно рада, что это несчастное колесо Егору удалось наладить, потому что сынок у меня растёт не по дням, а по часам, набирает вес, и даже после недолгой прогулки у меня отваливаются руки от усталости. После ремонта катить коляску стало намного легче, противный скрип, от звука которого при движении и качании сводило челюсти, исчез, и даже тормозной рычажок теперь работает как надо. Обещаю себе при случае поблагодарить Егора и за эту работу тоже – обслужил нашу технику по высшему разряду.

Вспоминаю разговор с Егором и улыбаюсь. Милая у нас с ним получилась беседа. Короткая, но приятная, и скорее всего больше не повторится. Теперь так и будем по утрам здороваться и, может быть, изредка перебрасываться парой ничего не значащих слов. А скоро наступят холода, и наши прогулки с Егоркой придется сократить, а значит и встреч с новым знакомым будет значительно меньше.

Уже жалею, что неожиданное знакомство с Егором закончилось, не успев начаться. Но даже за такой короткий период общения мне с ним рядом было очень хорошо. Как-то комфортно, уютно. Наверное, это от того, что он намного старше и от него я чувствую какую-то отеческую заботу. Жаль, что у Егора нет детей. Когда он смотрит на моего сына, в его глазах мелькает что-то, похожее на тоску. И вообще он кажется одиноким. Это странно, ведь он достаточно симпатичен, даже красив. Фигура спортивная, сам весь такой брутальный, вежливый. Не наглый и кичливый, какими бывают люди с достатком, и это мне в нём нравится.

Егор из другого мира, я чувствую. Стабильного, денежного, уверенного в будущем. Где нет забот и дум чем кормить завтра ребенка, где найти подработку, не ждет ли дома какой «сюрприз» от второй половинки.

– Ой!

Я пугаюсь и вздрагиваю, когда Егор неожиданно преграждает мне путь.

– Варвара, я, кажется, знаю, как вы можете меня отблагодарить.

– Как? – лепечу еле слышно, еще не оправившись от испуга.

В темно-синих глазах мужчины салютуют задорные искры, а в моей голове проносятся разные предположения, вплоть до неприличных, но то, что Егор озвучивает...

– Вы не могли бы с Егоркой прийти ко мне на работу и сыграть роль жены и сына?

И пока я перевариваю услышанное, медленно собирая челюсть с усыпанной листьями дорожки, мой знакомый подходит ближе и продолжает:

– Сотрудница пристаёт, не знаю, как отбиться, – и улыбается широко, а в глазах лучится такой азарт, что я безоговорочно верю, что сотрудница действительно домогается и от ее навязчивости Егору нужно срочно избавиться. И именно предложенным им способом. Другой не сработает.

Раздумываю должна ли я ввязываться в чужую авантюру. И почему я? Зачем?

Этот Егор... Он... красивый мужчина. Взрослый. Притягательный. И вызывает доверие. Энергетика у него такая... мощная. Хочется смотреть на него, любоваться широкими плечами, узкой талией и бедрами, длинными ногами. Что я и делала с тех пор, как Егор окликнул меня в первый раз: провожала каждый раз его взглядом, когда он пробежал мимо и пока не скрывался из вида.

А теперь, когда он стоит так близко... Почему-то я опять волнуюсь рядом с ним. И не могу поднять глаза выше, посмотреть в его. Думаю о том, что лучше я буду глазеть куда угодно, да хоть вот на язычок молнии его спортивной куртки с фирменной гравировкой, чем на муже-

ственное лицо. Потому что я и так несколько раз за это сырое утро бесстыдно зависала, глядя в эти темно-синие глаза, обрамленные черными ресницами, на прямой нос, широкие скулы, а губы... м-м...

– Варь?

– А?

Ну вот опять.

– Согласны?

– Я?

– Вы.

Встряхиваю головой, сбрасываю наваждение.

– Как вы это себе представляете? Мы с вами толком не знакомы, нам никто не поверит.

Да и не получится у меня.

– Почему не получится? Зайдете, скажете, что по мужу соскучились. Все. А Егорка подыграет. И все поверят, вот увидите.

Разыгрывает или действительно хочет, чтобы я это сделала?

– Я вообще-то уже замужем.

– Мы никому об этом не скажем. Варь, пожалуйста, соглашайтесь, – собирает брови домиком.

– Я как-то не особо соответствую жене такому... – с языка чуть не сорвалось «представительному человеку», – как вы. Может быть вам лучше какую-нибудь другую девушку попросить? Более подходящую вам?

– Нет других, – не задумываясь. Просто и убедительно.

Не могу вообразить, что у такого видного мужчины мало поклонниц, тем более желающих представиться его женой. Я же в своем скромном одеянии никак не впишусь в статус его супруги. А Егор молчит. Смотрит только внимательно, чуть ли не умоляя глазами, ожидая ответа, и почему-то мне кажется, что он расстроится, если я откажусь.

Перевожу взгляд на коляску. Егор сделал огромное дело – отремонтировал, как мне казалось, безнадежное колесо, иначе таскать бы мне сына на руках до тех пор, пока он сам ходить не начнет.

Ждать помощи от Виталика не стоит – он всегда находит отговорки на более важные дела. О том, что коляска на ладан дышит, я мужа предупреждала. Отмахнулся: «Ездит же еще? До зимы протянет, а там на санки пересядете». Которых, кстати еще нет.

А теперь мой муж еще и **работает**. Важный стал, заносчивый. Получил черную форму охранника, которая ему безумно идет, прошел краткий инструктаж и вот уже несколько смен отработал. Приходит домой под утро, заваливается спать, а мы с Егоркой идем гулять, чтобы не мешать спать папе. Благо погода пока позволяет.

Ближе к обеду Егорка поступает в распоряжение Лидии Петровны, а я бегу на работу – мыть окна, если есть заявки.

После сна Виталик почему-то раздражен. Начинает ремонтировать утюг – психует, что не получается. Чайник – нет нужных запчастей. Ребенок шумит – мешает сосредоточиться. Я начинаю рассказывать о новых достижениях сына – муж бесится. Вчера, когда я пришла с Егоркой домой без коляски, Виталия даже не спросил, где она. Как будто и не заметил. А я не стала рассказывать ему о мужчине из парка. Умолчала о том, что посторонний человек не прошел мимо нашей проблемы, решил помочь.

Я в долгу перед Егором. Тем более он не просит чего-то запредельного, а побыть в статусе чужой жены даже интересно, хоть и волнительно – справлюсь ли. К тому же это «представление» ненадолго, а заказов на окна у меня в ближайшее время нет.

– Когда? – выдыхаю, не веря самой себе, что я ввязываюсь в чужие отношения.

– Да хоть сегодня, – расцветает мужчина и тут же спохватывается: – Черт, у меня визитки нет с адресом.

– Говорите так, я запомню.

– Вообще–то офис недалеко. Вон, видите то здание?

Егор подходит ко мне еще ближе, почти касается грудью моего плеча, наклоняет голову так, что я чувствую его еще сбитое после бега дыхание. Вытягивает вперед жилистую руку с черным фитнес–браслетом на запястье. Указывает на серую макушку офисного здания, расположенного через квартал от парка. Сейчас, когда деревья почти голые, его хорошо видно в лучах утреннего солнца.

– Да, вижу, – пишу от волнения тонким голосом.

От Егора пахнет потом и мужским дезодорантом с нотками цитруса, морского бриза и мяты. Этот запах мне так нравится, что хочется закрыть глаза, укутаться им как пуховым одеялом и наслаждаться долго–долго. Но нельзя, поэтому концентрируюсь на вопросе:

– Серебристое такое, да? Там рядом еще фонтан в виде звезды.

– Вот, оно самое. Придете? Я буду ждать.

Я не понимаю, как соглашаюсь на безумное предложение Егора. Уже позже, когда мы расстались, до меня вдруг дошел весь абсурд ситуации, и накрыла паника. Как? Как так получилось, что я ввязалась в игры незнакомых мне людей?

Это просто колдовство какое–то, чары чересчур обаятельной улыбки Егора и его дурманящего запаха. С одной стороны, этот мужчина меня пугает тем, что мне нравится находиться с ним рядом. Он пробуждает во мне непонятное волнение, горячим клубком собирающимся внизу живота. И ведь Егор знает, что я замужем, и возможно заметил, какое впечатление произвел на меня. Что он обо мне теперь подумает? Что я легко западаю на классных мужиков? Боже, как стыдно!

Но с другой стороны, мне жуть как интересно узнать Егора немного больше. И поджилки трясутся, как начну представлять, что приду к нему на работу и буду изображать его жену. Как себя там вести, что говорить, как? Поверят ли мне?

Глава 10

Варя

Егор не сказал, кем он работает, а я не спросила. Он просто назвал адрес, этаж и свою фамилию, а дальше, говорит, найдете. И теперь, когда просторный лифт с зеркалом в пол и серебристыми стенками доставил нас с сыном на нужный этаж, стоя перед дверью, за которой располагается компания, которую назвал мой новый знакомый, я трушу.

Вся моя бравада улетучилась, стоило войти в солидное офисное здание в центре города, напичканное множеством других, не менее крутых компаний. Снаружи стильное, стального цвета строение внушает благоговейное восхищение своим дизайном, а внутри него кипит муравейник из красивых, дорого одетых людей, которым, к слову, до меня с малышом на руках и моего внешнего вида совсем нет дела. Кроме охранника на входе, который уточнил, куда я направляюсь, показал, где можно оставить коляску и вежливо проводил до лифта, не задавая неудобных вопросов. Это обстоятельство немного придало уверенности, которая снова исчезла, едва я оказалась на нужном этаже.

Табличка на массивной двери украшена логотипом компании. Я перечитываю ее несколько раз, как будто ищу между черных букв руководство к действию. А я просто тяну время. Егорка нетерпеливо ерзает на руках – он уже все увидел, а табличка с буквами его не интересует. Ребенок готов идти дальше, познавать новое. А я вот нет. Я трусиха.

Снова читаю информативный блок:

Филиал ТК "ТРАСТО"

Главный офис: Москва...

Телефоны: ...

Основные услуги:

Перевозки сборных грузов

Перевозки негабаритных грузов

Контейнерные перевозки

ЖД перевозки

Авиа перевозки

Масштабы компании впечатляют. Интересно, кем работает здесь Егор? Почему–то представляю его сидящим за компьютером. Программист? Логист? Кто там еще может быть, не знаю. Надо было расспросить подробнее, чтобы не попасть в неловкое положение. Эх, Варя, и о чем ты только думала?

Что–то я волнуюсь. Идея Егора сначала показалась забавной, а сейчас глупой и бессмысленной. Что он, взрослый опытный человек, не может отказать назойливой даме? Не верю. Хотя он такой... сексуальный (мысленно краснею, давая это определение своему знакомому). Ему, наверное, придется от многих отбиваться.

– Сынок, может, сбежим? А Егору скажем, что не получилось, а? Дела домашние, то, сё. Как думаешь?

Чмок–чмок пустышкой. И смотрит так внимательно, будто говоря взглядом: «Ты че, мать? Ты же обещала!» Я бы убежала, если бы не сын. С ним у меня уверенности как–то больше. Как будто он – мой защитник.

– Ладно. Раз обещали, значит, надо сделать, да, зайчик? Если что – помогай. Мы сейчас быстро зайдем, поздороваемся с дядей Егором и уйдем.

Поправляю шапочку на Егорке, одергиваю курточку. Сынок в одежде Светкиного Кирилла смотрится очень даже модно. Я тоже не зря крутилась перед зеркалом с полчаса – немного карандаша для выразительности глаз, тушь, розовый блеск на губы, капелька румян

на скулы. Из одежды – синие джинсы – универсальная вещь и в пир, и в мир, черные ботиночки по шиколотку еще до декрета купленные, на устойчивом каблучке, черная дутая курточка тоже двухгодичной давности. Не фирменная, зато теплая и удобная, с капюшоном. В общем, зависти не вызову, но и Егору, надеюсь, стыдно не будет за внешний вид «жены».

Виталику так вообще все равно во что мы с сыном одеваемся, лишь бы денег не просила на обновку. Даже не вышел из своей комнаты, пока мы собирались на прогулку. Выспался после смены, теперь ремонтирует что-то, как всегда в последнее время без настроения. У меня вообще складывается ощущение, что Виталию в тягость находиться дома, со мной и сыном. Зато на работу собирается с удовольствием и настроение отличное. Песни напевает, прихорашивается. Я пытаюсь поговорить с мужем о нашем будущем, но не получается. Не знаю, какотреагирует на предложение развестись, вот и тяну с разговором.

Сегодня, одеваясь для встречи с Егором, для мужа на всякий случай отговорку придумала, что со Светой иду. Типа ей надо пособие на детей оформить, а я составлю ей компанию, заодно за ребятишками ее присмотрю. Но врать мужу не пришлось – наш уход остался незамеченным.

Вдох, выдох, снова вдох.

– Уж лучше бы я предложила Егору окна помыть у него дома или прибраться, – ворчу про себя.

Открываю массивную дверь, которая на удивление оказывается легкой. И...

Я растеряно осматриваю огромное просторное помещение со стеклянными перегородками между отделами. Очевидно, что компания занимает весь этаж здания. Почти в каждом из видимых мне отделов рядами стоят офисные столы на три рабочих места с офисными креслами с анатомическими спинками. Все места заняты девушками и мужчинами. Они сосредоточенно щелкают по клавиатурам, либо отслеживают что-то в мониторах. Почти все с гарнитурой на голове. Шумно от работающих системников и монотонного жужжания людей. Светло от многочисленных ламп на потолке и идеально чистых окон на противоположной стороне во всю стену – от пола до потолка. На полу ковровое покрытие, и все вокруг чистое, кажется, даже стерильное, включая воздух.

Весь персонал так занят, что наше с Егоркой появление остается незамеченным, а мы тем временем таращим глаза во все стороны. Интересно тут.

Наверное, это круто работать в таком офисе. Невольно загордилась Егором:

– Вот, значит, где работает наш «папа», – говорю сынульке на ушко, который так же, как и я, широко распахнутыми глазенками разглядывает все вокруг.

Я ищу среди мужчин Егора. Не вижу его и ничего более умного не придумываю, как, осторожно ступая по ковру, подойти к ближайшей девушке, сидящей ко мне спиной.

– Простите, вы не подскажете, как найти Егора Курагина? – дотрагиваюсь до плеча блондинки.

Она оборачивается, мило и с любопытством в глазах улыбается мне и ребенку, снимает гарнитуру.

– Егора Дмитриевича? – уточняет и, получив от меня кивок, встает и показывает направление. – Вам нужно пройти прямо. В приемную. А Катерина о вас доложит.

Кому доложит, что доложит? Что к рядовому сотруднику пришла жена отвлекать его от работы? Надеюсь, Егору за это не попадет.

Поблагодарив вежливую девушку, мы с сыном идем в указанном направлении.

Затемненные стеклянные двери с табличкой «Приемная» автоматически разъезжаются в стороны, открывая нам путь в кабинет с одним единственным сотрудником за столом, и также плавно закрываются, отрезав нас от шума большого помещения. А двери оказываются с секре-

том – то, что происходит в приемной, снаружи не видно, зато из приемной открывается чудесный вид на рабочий процесс. Хитро придумано.

Девушка, очень красивая брюнетка с лицом куклки, отрывает взгляд от монитора. Скользит оценивающе по нам с Егоркой, вежливо улыбается:

– Здравствуйте, чем могу вам помочь?

– Здравствуйте, не подскажете, где мне Егора Курагина найти?

Мельком оглядываю помещение и ошарашено останавливаю взгляд на еще одной массивной двери слева, на которой красуется стильная табличка с логотипом кампании:

Директор филиала ТК "ТРАСТО"

Курагин Егор Дмитриевич

Вот тебе, Варенька, и программист тире логист.

Попадос.

– Он у себя, – отрывая от меня подозрительный взгляд, девушка оглядывается на закрытую дверь директора, очевидно раздумывая как действовать дальше. Не любит она женщин, ой не любит, кожей чувствую. – А вы по какому вопросу?

– По личному.

Кукла еще раз сканирует нас с Егоркой сверху вниз и обратно. Что, не каждый день к директору по личному вопросу приходят?

– Как вас представить?

– Жена, – чуть не забыла кто я и зачем сюда пришла. И тем более к кому. Поэтому отвечаю ей с вызовом в голосе – играть роль, так играть на все сто – соответствовать званию, хоть и ненастоящему, но об этом никто же кроме нас с Егором не знает, а сынок не выдаст.

Какие только эмоции не промелькнули во взгляде куклы: удивление, неверие, презрение, даже что-то похожее на ненависть. Но меня ее негативные флюиды только заставили задраить нос повыше.

– Он занят, – бросает холодно.

– А вы его спросили? – прищуриваюсь. Кажется, я начинаю понимать, кто домогается Курагина.

А муженек-то тоже хорош. Мог бы предупредить, что он не рядовой сотрудник, а кое-кто посolidнее.

Негодую на Егора, перекидываю сына с одной руки на другую. Руки устали держать карапуза, а эта фифа даже присесть не предложила. И вообще ведет себя вызывающе. Как ее директор терпит? Или с ним она душка?

Мысленно сжигая меня на месте и развеивая пепел по ветру, девушка тянется к телефону.

– Егор Дмитриевич, – действительно, душка, – тут к вам пришли... без записи... девушка с ребенком...

Специально четко выделяет «девушка», выразительно глядя меня, уничтожая взглядом. Дает понять, что «жены босса» для нее не существует, а я перед ней пыль. Ну-ну.

– Ждите, – с торжеством в голосе кладет трубку.

Врешь, не возьмешь, Барби! Я тоже могу показать тебе твоё место.

– Извините, что я не записалась заранее, – вскидываю бровь на выходку этой девицы. Включаю стерву. **Жене директора** можно. – Вот уж не думала, что **женам** к **мужьям** нужно по записи приходиться.

Мысленно с удовольствием ломаю секретарше ногти с французским маникюром, брею ее опасной бритвой налысо. Красота!

Барби открывает рот, чтобы парировать. Сжимаю зубы, готовлюсь к атаке. И сама же провоцирую куклу, делая шаг в сторону директорской двери.

Секретарша взволновано подскакивает с места. Очевидно, решила, что я самовольно хочу пройти к ее шефу.

А она действительно красивая и стильная, эта кукла. Теперь я могу рассмотреть ее во всей красе.

Идеально сидящая белая блузка с черным галстуком–лентой заправлена в темно–синюю узкую юбку длиной выше колен на десять сантиметров – допустимая длина для офиса. На стройных ножках красуются тончайшие черные капронки с мушками и лакированные туфли с красной подошвой на высочайшей шпильке. Эффектно. Девушка знает толк в соблазнении.

Не успевает Барби закрыть грудью путь к шефу, как дверь директора распаивается, являя нам Егора...

Дмитриевича.

Глава 11

Егор

Не верил я, что Варя придет. Ждал, надеялся, но думал, что струсит зеленоглазка, занозой поселившаяся в сердце, просто так не вытащишь. Волновался, представляя нашу встречу. Не для Катерины я ее позвал. Для себя. Просто жутко захотелось увидеться с девчонкой в другой обстановке, вот и придумал этот дурацкий план. А она пришла. И я тороплюсь к ней. Точнее к ним.

Открываю дверь в приемную и чуть ли не сталкиваюсь нос к носу с взвинченной Катериной.

– В чем дело? – хмурюсь. Чувствую, как в воздухе искрит напряжение. Катя тушует под моим пристальным взглядом.

– Я сказала, что вы заняты, – лепечет секретарша и бочком, бочком ретируется на свое место.

Так, с Катей я потом разберусь. Сейчас есть дело поважнее.

– Варенька! Сынок! – расплываюсь в улыбке при виде белокурой девушки и Егорки.

Мельком отмечаю, что Варя немного изменилась – легкий макияж, другая одежда, лучше прежней, – сделали девушку чуть взрослее, увереннее и привлекательнее. Вот только в глазах зеленых сверкают молнии. Недобрые.

– А вот и папа! Сынок, смотри, наш папа!

Варя разворачивает малыша лицом ко мне. Лыблюсь еще шире – спектакль начинается.

Одновременно делаем по паре шагов навстречу друг другу. Сближаемся.

Я ныряю рукой за спину Варваре, обнимая ее за талию, попутно целую в висок, чуть задержав губы на нежной белой коже. М–м–м, чистый шелк. Ловлю себя на мысли, что еще утром хотел обнять и поцеловать эту девчонку, и думал, что это невозможно, а сейчас могу это сделать свободно, и мне ничего за это не будет – я же играю роль мужа.

Варя слегка вытягивается от моего жеста, напрягается – не ожидала, что я буду распускать руки и касаться ее губами.

И вдруг эта зеленоглазка начинает щебетать, нет, скорее тараторить, сопровождая свою пламенную речь действиями, от которых я впадаю в ледяной ступор. Хорошо, что стою спиной к Катерине и только могу догадываться, что она смотрит на нас.

– Егор, дорогой, ты не представляешь, что сегодня случилось! Держи сына.

Варя выскальзывает из-под моей руки, протягивает мне Егорку, из-за чего мне приходится перехватить ребенка двумя руками. Я понятия не имею как держать малыша. Мы так не договаривались!

В панике вращаю глазами, показывая девчонке, что я не умею, не знаю, что мне с ним делать. Егорка висит на моих вытянутых руках, с любопытством хлопает длинными ресницами. Только бы не заорал. Но тезде, похоже, не до крика – ему интересно, что за комедию ломают его мать и псевдоотец. Зеленоглазка же делает вид, что не замечает моих выпученных глаз.

– Мы гуляли с зайчиком во дворе, никого не трогали, а какой-то мажор... – Варвара, поддерживая ребенка, сгибает мою руку в локте и подсаживает малыша попой на согнутую руку. Сама между тем возмущается: – проехал мимо на своем танке и обрызгал нас из лужи. Нас! Из лужи! Как будто не видел, что мы там гуляем!

Продолжая щебетать, мамаша кладет мою вторую руку на спинку Егорке, прижимает ее. Да, так держать ребенка удобно и вроде безопасно. А он легкий, Варин малыш. И совсем не страшный. Этаким маленький, но серьезный мужичок. Забавный. Перекинул по-братски

одну ручку мне на плечо, сам развернулся лицом к матери и теперь мы вдвоем с ним слушаем красноречивые жалобы «нашей» мамы.

– И даже не извинился! – Варя продолжает натурально возмущаться, а я зависаю на ее искрящихся глазах, люблюсь розовыми губками и мелькающими под ними белыми зубками. Хороша! И отлично вписывается в статус моей жены. Великолепная актриса! Я лично верю ее игре. – Пришлось нам идти домой переодеваться в это старье, – кивает на свой наряд, – и впопыхах я забыла ключи, телефон и деньги. Поэтому мы с сыном пришли пешком к тебе на работу, заодно решили посмотреть, где ты зарабатываешь нам денежки. Прости, – чуть виновато улыбается, заглядывая мне в глаза, – что без звонка и записи.

Выделяет слово «записи» и кидает мстительный взгляд на Катерину, после чего тянется ко мне и... целует в губы. Долго так, прикрыв глаза, кайфуя. Еще раз восхищаюсь, какая отличная актриса моя Варя. А мне, черт возьми, безумно нравится наш поцелуй. Я смелею, убираю руку со спины Егорки, кладу ее на поясницу девушки, притягиваю к себе. Отвечаю на поцелуй, перехватывая инициативу. Сминаю мягкие девичьи губы своими. Раздвигаю ее зубки языком, встречаюсь там с ее и упиваюсь танцем, па которого мы исполняем вместе, выкладываясь на сто процентов. И мне мало. Я хочу большего. Я хочу не только губы зеленоглазки, но и ее всю целиком. В личное пользование. Насовсем.

Без всяких игр и чтобы вот так – по–настоящему.

Она такая сладкая...

Сзади нас что–то грохочет, и Катя цедит сквозь зубы:

– Извините.

Мы с Варей отлипаем друг от друга. Одними губами произношу «Вау!». Мне понравилось. У жены моей зелень в глазах потемнела, дыхание сбилось.

– Егор! Это неприлично! – лепечет ошарашено. Глаза бегают на меня, Егорку, Катерину за моей спиной, снова на меня. – Что о нас подумают люди?

– Они подумают, что я очень сильно люблю свою жену и нашего сына, – мягко улыбаюсь, все еще кайфуя от нашей игры. – Пойдем ко мне, там нам никто не помешает.

Подаю руку Варе, она в замешательстве вкладывает маленькую дрожащую ладошку в мою широкоую. Тяну жену к себе в кабинет.

– Катерина, сделай нам два чая, пожалуйста, – через плечо сухо бросаю секретарше, ненавидящий взгляд которой чувствую на своем затылке.

Глава 12

Егор

– Егор Дмитриевич, значит? – шипит Варенька, едва за нами закрывается дверь.

Забирает из моих рук Егорку, садит его в центре кабинета на пол на ковер, снимает с малыша курточку и шапочку.

– Э-э, может лучше в кресло ребенка?

– Здесь безопаснее, – отрывисто бросает Варя.

Я кожей чувствую, как кипит негодованием зеленоглазка. Вижу нервные движения ее рук. Молчу. Жду, когда она сама пояснит причину внезапно вспыхнувшего гнева.

Варя приглаживает пальчиками влажные черные волосы малыша со лба на бочок – Егорка успел вспотеть в уличной одежде.

Пацана, в отличие от его мамы, все устраивает. Он сидит на попе, широко расставив ноги в ботиночках и сложив ручки на животе. С любопытством разглядывает мой кабинет, чмокая пустышкой. Как истинного пацана его внимание привлекают плакаты нашей сети с изображением грузовых автомобилей, поездов и самолетов.

Оставив сына рассматривать кабинет, Варвара поднимается с корточек и двигается в мою сторону. Наступает на меня воинственно, заставляя отступать назад. В глазах огонь.

– И что все это значит?

– Варь, ты чего? Что не так? – искренне не понимаю перемену в «жене».

– Все не так! Почему вы не предупредили, что вы директор этой, – делает взмах рукой, описывая круг, – кампании?

– А что бы это изменило? – дергаю губы в улыбке, продолжая шагать назад, позволяя Варе руководить положением.

– Я бы не согласилась! Я совсем не похожа на вашу жену!

– С чего ты взяла? Ты **очень** похожа на мою жену. Вот, смотри, у нас даже первый семейный скандал. Кстати, можешь кричать в полную силу, здесь отличная звукоизоляция.

– Я не могу кричать! Егорка плачет, когда кто-то повышает голос. И это... это не скандал! Это безобразие! Кто вам позволил лапать меня? И... и целовать?!

– Я тебя не лапал! Я обнимал **свою жену**! А целовать меня ты первая начала! Егорка, подтверди!

– Это для правдоподобности! На нас смотрела ваша хамка-секретутка! И не надо привлекать на свою сторону моего сына!

– Нашего сына! Которого ты мне впихнула в руки, прекрасно зная, что я не умею обращаться с детьми.

– Я его страховала!

– А я не знал даже как его держать!

– Но теперь же знаете?

– Что знаю?

– Как ребенка держать?

– О, да, принцип я понял, спасибо. И кстати, я тоже целовал тебя для правдоподобности!

И мне понравилось!

Варя не находит что ответить на это. Остановившись, таращит глаза, не понимая, правду я говорю или шучу.

– А тебе? – смягчаюсь и намерено понижаю тембр до хрипоты. Знаю, женщинам это нравится: – Тебе разве не понравилось? Я бы повторил.

Теперь я делаю два медленных шага к Варе. Приближаюсь к дерзкой девчонке, что, словно фурия, оглушающим полусшепотом ругается в моем кабинете так, что мне хочется

заткнуть ее ротик новым поцелуем. Не менее горячим и страстным, чем искры в глазах моей зеленоглазки.

Тот же цветочный запах, что совсем недавно преследовал меня в парке, заполняет пространство вокруг, попадая в легкие и впитываясь во все клеточки моего тела.

Варвара пятится назад. Отступает до тех пор, пока не упирается попой в стол. Воображение сразу подкидывает неприличные картинки. Мозг, не сейчас! Тело, замри! Рано!

– Вы переигрываете, Егор Дмитриевич!

Варенька распахивает еще шире свою зелень. Беспомощно оглядывается на Егорку, но тот сидит тихонько на месте и только вращает в разные стороны головой.

– У нас идеальный ребенок, не правда ли, дорогая?

Варя снова смотрит на меня. В ее глубокой зелени я вижу свое отражение, страх и... неподдельное любопытство.

– Не надо! – успевает пискнуть перед тем, как я по-хулигански вольно снова накидываюсь на ее губы.

Одной рукой обхватываю талию, вжимаю девчонку в свое тело, другой зарываюсь в роскошные волосы, заплетенные в косу, давлю на затылок, не позволяя отстраниться. В этот раз ее зубки оказываются податливее, и я беспрепятственно углубляю поцелуй, чувствуя, как сдается и обмякает под моим напором «жена». Как ее ладони ложатся мне на плечи и замирают там, не смея шевельнуться. И меня рвет на атомы от того, что между нами происходит (а она происходит!) химия.

– Ваш чай, Егор Дмитриевич, – слышу позади изменившийся голос Катерины. Вместо обычного елейно слащавого ядовито холодный.

Я ее точно уволю! И в характеристике напишу, что имеет способность заходить к шефу не вовремя.

Варя отталкивает меня от себя, отходит в сторону. Щеки ее пылают жаром, а в глазах лихорадка.

Катерина с каменным выражением лица проходит в кабинет, ставит поднос с кружками на край стола.

– Спасибо, Катя.

– Что-то еще нужно? – в голосе лед.

– Нет. Можешь идти. И да, меня ни для кого нет, у меня важная встреча.

Фыркнув, секретарь уходит, резко закрыв за собой дверь.

– Продолжим? – вкрадчиво обращаюсь к «супруге».

– Сумасшедший!

Закрывая тыльной стороной ладоней пылающие щеки, Варя, не глядя на меня, огибает стол с другой стороны, идет к сыну, протягивает к нему руки:

– Солнышко, нам пора, давай одеваться? Гулять пойдем?

Ее голос такой ласковый, а улыбка, обращенная к сыну, такая нежная, что я всем сердцем завидую мальцу – он может видеть и слышать эту красавицу круглосуточно. Егорка улыбается и смешно подпрыгивает на попе – готов идти с мамкой куда угодно.

– А как же чай? – ищу причину задержать гостей.

– Егор... Дмитриевич, ваша секрету... секретарь, думаю, и так все увидела и поверила в наш спектакль. К тому же я не уверена, что в моей кружке нет пургена или цианистого калия.

– Варь, ты обиделась?

Сдуваюсь, чувствуя, что перегнул с поцелуями. Но, черт возьми, это было круто! Даже не то, что Катерина разозлилась, а то, что я впервые за долгое время почувствовал себя живым рядом с женщиной, которая мне нравится. По-настоящему нравится.

"Жена" между тем ловко одевает мальчугана, улыбаясь ему и подмигивая в процессе.

– Я не обиделась. Но больше в ваших играх участвовать не буду, уж извините. Егорка полностью одет и готов уходить. Варя берет его на руки.

На меня не смотрит. Совсем.

– Варь. Варюша, – преграждаю ей путь. Ловлю взгляд и тут же его теряю. – Ты все–таки обиделась. Что мне сделать, чтобы искупить свою вину? Может, в кафе сходим? Мороженое поедим. Сто лет никуда не ходил и лет двести не ел мороженое. Я угощаю.

– Егор Дмитриевич...

– Просто Егор.

– Егор, я думаю, не стоит больше нам изображать семью. Давайте оставим все, как было до этой встречи. Ваша Катя красивая девушка и вы ей небезразличны. Зря вы так с ней.

– Ты тоже красивая. Очень.

Варя снова краснеет, смущается. Неужели ей не говорят комплименты?

– Вам просто нужно быть с ней честным и все объяснить, а не разыгрывать впредь подобный цирк. Извините, но на кафе или что другое я не соглашусь. Я замужем.

А вот это неприятно. Я успел забыть о наличии мужа.

– Простите, нам пора идти.

Варя пытается обойти меня.

– Я провожу. Давай помогу, – протягиваю руки к мальчику. Он вдруг отвечает лучезарной улыбкой из–под пустышки, радостно взвизгивает и тянется ко мне.

– Предатель, – шепчет ему Варвара. – Аккуратнее. Вот так, – мамочка помогает мне взять малыша удобно и надежно. Теперь я знаю, как держать карапуза, а ему явно нравится кататься на руках у дядьки. Наверное, из–за моего высокого роста обзор для ребенка лучше.

Варя открывает нам дверь. Мы молча проходим мимо Катерины.

– Егор Дмитриевич, вы вернетесь? – слышу в спину.

– Конечно, Катерина.

Идем через офис. Замечаю косые взгляды сотрудников. Кто–то кивает на нас, привлекая внимание коллеги. И если Варя смущается под прицелом нескольких десятков глаз, то мне роль семейного человека даже нравится.

Возле лифта Варя пытается забрать Егорку, но я не даю. Хочу проводить своих гостей до выхода.

В пустом лифте стоим по разным углам. Девчонка на меня не смотрит, ей как будто неловко рядом со мной, а я не отвожу от нее глаз. Красивая.

– Варя, мне правда понравилась наша игра. А Егор прирожденный актер. Надо будет отдать его в театральный кружок, когда подрастет. Как ты на это смотришь?

– Одобряю, – отшучивается девушка.

Мы все еще играем. Просто так, не на зрителя. Выходим из лифта, идем через холл к стоянке Егоркиного транспорта.

– Варюша, если тебе что–то нужно будет, ты всегда можешь обратиться ко мне. Теперь ты знаешь, где меня найти помимо парка. И записываться не нужно. Ты же моя жена.

– Ненастоящая жена. Но все равно спасибо.

Варя снова улыбается. Оттаяла. Мы как раз дошли до коляски. Я не рискнул усаживать в нее Егорку, доверил сделать это его мамке.

– Я вызову вам такси.

– Не надо, тут недалеко, а мы еще погуляем. Простите, что накинулась на вас, накричала.

– Накричала? Когда? Я не заметил.

– Это было... между поцелуями.

– А–а, поцелуи помню, а больше ничего. Частичная амнезия, наверное. В следующий раз буду внимательнее.

Варя смеется и качает головой. Мы прощаемся. Поднимаюсь в офис в отличном настроении, потому что знаю, что завтра снова встречу свою ненастоящую семью в парке. И может быть, уговорю ее на кафе.

– Егор?

Глава 13

Егор

– Егор! Дружище! Умираю от любопытства услышать из первых уст, что за дама с ребенком посещала твой унылый холостяцкий кабинет? Весь улей жужжит, говорят, что к тебе приходили жена и сын, а я же знаю, что у тебя никого нет. Или уже есть? О, дай угадаю! Внебрачный ребенок! А мамаша приходила, чтобы сообщить тебе сию чудную новость! И до чего договорились?

– И тебе добрый день, Максим Андреевич, – прячу улыбку, пожимаю руку лучшему другу, по совместительству коллеге, поджидающему меня у лифта на этаже моей компании. Удивительно, как быстро у нас распространяются новости.

– А чего это ты светишься как самовар начищенный? – от пристального взгляда Короткова ничего не ускользает. За много лет дружбы он знает меня как облупленного.

– Ничего от тебя не скроешь, дружище, да? Ты ко мне?

– Естественно! Хочу знать, кто к тебе приходил, если уж не удалось самолично увидеть твоих гостей. Колись, кто это был? – Макс толкает меня в бок локтем. Не отстанет, как пить дать, пока все не узнает.

– Эй, руки не распускай, а то оторву по самую майку и скажу, что так и было.

– А потом моя благоверная оторвет тебе кое-что другое, – хохочет друг.

Я ловко уворачиваюсь от нового тычка. Удачно попадаю локтем в мягкий бочок слегка располневшего к тридцати пяти годам Максима.

– Это что такое? Новое сальцо? – щипаю Короткова через тонкий свитер за складку. – Сколько раз я предлагал тебе выходить со мной на пробежку?

– Ахаха, Горыч, это не сальцо, это комок нервов. А тренировок мне и так хватает. С Дашкой в постели знаешь сколько калорий зараз сжигаем?

– На мой взгляд – маловато тренируетесь, нагрузку можно бы и увеличить.

– Я передам твои пожелания женушке, – отшучивается Максимка.

Так, дурачась и перекидываясь шуточками, мы идем ко мне в офис.

С Максом мы учились вместе в универе, сдружились на втором курсе, да так, что я стал крестным одной из двух дочерей этого шалопая – Кристины. Максим женился чуть ли не первым из нашего потока. Раньше других окольцованных друзей у него родилась дочь, а еще через пять лет вторая – Вероника. Обе красавицы на зависть всем.

Я женился через два года после окончания универа. Ирина долго не принимала предложение, а когда, наконец, приняла, я был на седьмом небе от счастья. Еще бы! Девчонка, которая вскружила мне голову с первого взгляда, самая красивая и сногшибательная – моя невеста и жена! Официально!

Я был влюблен. Счастлив. Безумен. Готов был горы свернуть, мир положить к ногам любимой женщины. Ира благосклонно принимала мою любовь и успешно строила карьеру.

С детьми мы не торопились, хотели пожить для себя, встать крепко на ноги. И я всегда точно знал, что Максим станет крестным для моего первенца. Даже Иришку предупредил, что крестной пусть берет кого угодно, а я беру Макса – не обсуждается. Жена соглашалась.

Рожать только не хотела. Даже когда я начал намекать, что пора. Потом просил, потом уговаривал. А потом... стало поздно.

Три года как я вычеркнул Ирину из своей жизни. Отказался от мечты о наследнике. Три года пустоты.

Коротков скоро девчонок своих замуж будет выдавать, а звание крестного моего ребенка так и не получил. Наверное уже и не получит.

В свое время мы с Максом много где успели поработать – и вместе, и порознь. Набралась опыта и однажды пришли к выводу, что готовы взяться за дело посерьезнее. В итоге я – директор филиала транспортной компании, Максим – владелец охранного агентства, офис которого находится на два этажа ниже моего.

Только проверенным людям Макса я доверяю сопровождать свои грузы до пункта назначения. У него персонал надежный, все парни проходят тщательный отбор, и еще ни разу за добрый десяток лет не было у нас накладок или проблем с перевозками.

Этакий тандем у нас с другом и в жизни, и в работе.

Смеясь, подкалывая друг друга, обмениваясь тычками как подростки, теряя репутацию перед моими сотрудниками, мы проходим через весь офис и мимо Катерины, ледяной статуей сидящей за монитором. Ни одна ресничка не дрогнула на бледном лице секретаря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.